

ЮРИЙ Валин

АНТИМИРЫ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ВОЙНА ПОСЛЕ ВОЙНЫ
Пропавшие без вести

Юрий Валин
Война после войны.
Пропавшие без вести
Серия «Антимир», книга 3

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4991074

*Война после войны. Пропавшие без вести / Юрий Валин: Яуза : Эксмо;
Москва; 2013*

ISBN 978-5-699-61679-4

Аннотация

Война «попаданцев» закончилась, но ее долгое кровавое эхо продолжает сотрясать средневековый Антимир – повсюду свирепствуют разбойничьи банды и враждебные человеку расы, дикие горцы и одичавшие за годы смуты крестьяне. Да и повышенное внимание короля не сулит ничего хорошего, ибо правду говорят: «Рядом с тронном – рядом со смертью». И чтобы вернуться отсюда в XXI век, придется пробиться через непроходимые горы и смертельно опасные воды, принять участие в рискованной заморской экспедиции и отыскать пропавшего без вести агента земных спецслужб...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	39
Глава 3	71
Глава 4	100
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Юрий Валин

Война после войны.

Пропавшие без вести

Автор благодарит:

Александра Москальца – за помощь на «всех фронтах».

Евгения Львовича Некрасова – за литературную помощь и советы.

Но самая дикая была Дикая Кошка – она бродила, где вздумается, и гуляла сама по себе.

Джозеф Редьярд Киплинг

(Кошка, гулявшая сама по себе)

Пролог

Офис СAE¹. Шотландский департамент

Катрин Бертон. (Екатерина Георгиевна Мезина).

Статус: полевой агент. Контракт: 6 месяцев.

Возраст: 19 лет.

Рост: 180 см. Вес: 59 кг.

Волосы светлые, глаза зеленые.

¹ Один из выделенных отделов «SIS» – Секретная разведывательная служба (англ. Secret Intelligence Service, SIS).

Телосложение спортивное.

Образование: средняя школа, 1-й курс педагогического университета (точных данных нет).

Опыт работы:

Хелдер. Королевство Нидерландов.

Каир. (Арабская Республика Египет).

Табус. (Западная Африка.

Республика Верасу).

Трупы, трупы, трупы... Сколько способна убить безмозглая девятнадцатилетняя красотка? И ведь все сходит с рук. Вот и не говори, что «дурам – счастье».

Человек глотнул кофе, поправил монитор и продолжил чтение досье. Довольно бессмысленное занятие. Операция «N-Comeback» шла к своему в общем-то вполне закономерному краху. Едва ли отрицательный результат кого-то удивит, но предсказуемость финала не освобождает от необходимости написания отчета. И будет совершенно неразумно дублировать текст месячной давности. Давай, русская красавица, подскажи, что о тебе еще сказать, какую версию твоего исчезновения предложить руководству.

...Специалистами САЕ было проведено комплексное медицинское обследование объекта К. (по программе В1). Объект признан годной к работе по направлению САЕ. Общий коэффициент 92,3.

Да, результат выглядел обнадеживающим. Гибкая психика, недурная физическая подготовка, склонность к авантю-

рам... Таких людей и следует посылать в неизвестное. Это вполне логично. И еще более логично не рассчитывать на возвращение подобных индивидов. Конечно, Мезина еще и девушка. Здесь все возможно...

Психологически устойчива. Замкнута. Жестока. Склонна к крайне дерзким импровизированным действиям...

Нет, не вернется. Скорее всего погибла. С ее самолюбием пережить тесные контакты с дикарями сложно. В определенном отношении гибкости девице недостает. Недаром было высказано столько сомнений по поводу ее сексуальной привлекательности. Пользоваться ею Мезина не умеет. Или не желает. В данном случае это одно и то же. Не выживет. Или выживет, но под надежной защитой и покровительством. Как следствие, глубокая эмоциональная привязанность к источнику этой самой защиты. И зачем дикарке, вжившейся в дикий мир, возвращаться?

Особые приметы. Пулевой шрам на левом плече. Во время разговора предпочитает смотреть в лоб собеседнику. Весьма редкий цвет глаз – насыщенный, изумрудно-зеленый, что нередко создает у непрофессионального наблюдателя впечатление наличия контактных линз. В одежде небрежна, косметикой не пользуется, предпочитает короткие стрижки...

Господи, ну как еще можно истолковать пятимесячное отсутствие агента? Провал. Мониторинг велся первые четыре минуты тридцать восемь секунд. Технически переброска

прошла успешно. Все. Больше о Мезиной сведений не поступало и не могло поступить. «N-Comeback» – провален, агент Николас Найт не найден. Весьма недальновидно было посылать такого человека. Ведь знали же, что могут быть осложнения. Аристократ, наследник такой известной фамилии, гм... Ну эту ошибку уже не исправить. Остается пережить неприятные моменты объяснения руководству причин неудачи и окончательное закрытие проекта «Эльдорадо». Черт, четверть века назад проекту дали весьма неудачное имя.

Проект закроют. Весьма и весьма скоро. К сожалению, это не дает права игнорировать отчетность.

Вот дерьмо, «скользнуть» бы на несколько часов туда, спастись за чудную гриву эту Мезину, выдернуть в нормальный мир, сунуть в изолятор и всучить лэптоп. Пусть настучит нормальный отчет.

Человек за монитором знал, что никуда «скользить» он не будет. «Эльдорадо» для идиотов. Романтичных, отвратительно безответственных выродков, коих с таким трудом отыскивали по всему Соединенному Королевству. Но идиоты, которым нечего терять, иссякли. Даже Мезина, преступница и славянка, привлеченная в обход многих формальностей, сгинула, и замены ей решено не искать.

Остались отчеты. Сейчас следует поехать домой, а утром взяться за дело...

У «замониторного» человека был хороший дом (ипотеч-

ный кредит будет выплачен через шесть лет), жена, трое детей, престижная служба и бульдог Сом. В принципе майор был счастливым человеком. Но был бы еще счастливее, если бы агенты регулярно отчитывались о своей работе...

*Из отчета агента Мезиной
(так и не написанного)*

...На текущий момент:

Час N плюс четыре, с хвостиком, месяца. (Возможна календарная неточность, вследствие погрешности отсчета и выпадения отдельных совершенно никчемных деньков.)

1. Финишировала благополучно. По прибытии испытала легкое недомогание. Причины (предположительно): избыток кислорода и девичьи нервишки агента К.

2. В течение двух суток был установлен контакт с аборигенами. С помощью местных жителей агенту К. удалось выйти к административному центру земель Меллори – замку лорда Нидд. Вследствие возникших личных неприязненных отношений с леди Нидд (Элен Вудъярд, отъявленная стерва, бывший агент, дезертировавшая из САЕ много лет назад), замок пришлось покинуть.

3. В составе малой подвижно-рейдовой группы агент К. проследовала на юг. Состав группы: отставной копеежник ветеран королевского войска Даллап, молодой конюх Энгус, служанка Ингерн и кобыла Белесая (заслуживает особого упоминания, поскольку налицо феномен уникального дол-

голетия, а если принять во внимание рабочую гипотезу об отдельно взятом феномене, то и лошадиного бессмертия).

4. Группе удалось пройти по северному тракту до города Кэкстона – столицы северо-восточных земель Королевства Ворона. Попутно были установлены многочисленные контакты с представителями дарков – местных разумных и полумразумных видов, как гуманоидных, так и иных. (Настоятельно требую особо отметить вег-дичей. Ну и отвратительные твари!)

5. По прибытии в Кэкстон отряд и лично агент К. оказались втянуты в заговор против короля. Местный Наместник (человек Пришлый, вероятно, дезертир из мира «Ноля». Истинное имя и должность установить так и не удалось) пытался спровоцировать религиозно-культурную революцию. Цели заговора: захват власти и принудительное насаждение агрессивного монотеизма. (Личное мнение агента: Наместник – совершенно сбрендивший прогрессор регрессорского типа.)

6. Попытка ликвидации лидера заговора не удалась. Агент К. со своей группой прорвались из мятежного Кэкстона и двинулись к столице королевства городу Тинтаджу.

7. К моменту прибытия агента К. столица уже была захвачена войсками Наместника. Удалось установить контакт с королем, но попытка предупредить законного монарха о характере и целях заговора не увенчалась успехом. Агент К. была захвачена шпионами Наместника. (Да, лоханулась ка-

питально.)

8. Агент К. была допрошена мятежником. Лично. (Его бы, козла, на... в... и уши...скотина... На все голову, урод... вот чего он достоин, и вовсе не химической!) Из тюремной камеры агенту удалось бежать с помощью Блоод – представительницы древнейшего народа ланон-ши. Очень милая и честная девушка. (Да, кровососущий суккуб. А вот нечего к ней так близко лезть!)

9. Тактически и стратегически участие в штурме Тинтаджа авантюрой не было. Агент К. готова лично засвидетельствовать – сдуревший Наместник масштабно применил огнестрельное оружие. (У, гад безответственный!) Ночью артиллерийскую батарею удалось уничтожить силами малой диверсионной группы.

10. Наместник успел бежать из освобожденного Тинтаджа. Было организовано преследование. У пограничной реки заговорщик умер. Скоропостижно. (Агент готова подписать свидетельство о смерти. Хоть три раза. Да, лично руку приложила. Он и при жизни конченной падалью был, прогрессор ваш вонючий.)

Результаты действия агента: установлен прочный контакт с представителями аристократии, секретными службами и королем Короны Ворона. За личное участие в боях агент К. поощрена титулом и землями Медвежьей долины. На данный момент ситуация несколько осложнена тем, что король жаждет установить контакт... ну, на личном уровне. (Эх, вот

обязательно этим самодержцам, о себе возомнившим, все портить.)

Краткий предварительный вывод:

Хорошая страна. Малонаселенная, экологическая обстановка на высшем уровне. Жить можно. Имеются друзья и определенное положение в обществе. Материальных затруднений уже не имеем. Достоверных следов искомого Николаса Найта не обнаружено. (Собственно, как-то недосуг было их искать. Он вообще кому-то еще нужен, этот агент запропавший?)

P.S. Агент К. просит учитывать, что опыта написания полевых донесений и отчетов на данный момент не имеет. Что накорябалось, то и читайте.

P.S.S. Разводить тут бюрократию не буду. Вообще. Нашли тоже клушу отписки строчить. И карты не будет, даже не рассчитывайте.

В последнем Екатерина Мезина весьма и весьма ошибалась. Когда-нибудь составленные ею шедевры канцелярита будут считаться истинным примером составления полевых отчетов, докладных, технических требований и прочей важнейшей документации. Но это будет не скоро. Сейчас Катрин юна и легкомысленна. Девчонка, живущая сегодняшним днем...

Глава 1

Прокормить вампира трудно. А если сие существо по происхождению чистокровная ланон-ши и привыкло сочетать секс и кровь, то просто уйма проблем возникает. Особенно если гостеприимные хозяева дома, пусть и в общих чертах, но осведомлены о природе прелестной гостыи.

Прямого запрета от старого шпиона не поступило, и Катрин с Бло продолжали жить на «конспиративной квартире». Старуха-хозяйка вопросов не задавала, да и в принципе укромное местечко с видом на канал весьма устраивало подруг. Блоод требовалось периодически подкармливать натуральным продуктом. Купить на рынке живую курицу или кролика труда не составляло, но вот протащить добычу в замок, где подружки квартировали официально, было затруднительно. Добывавшая продукты на рынке Ингерн проявляла навыки, редко присущие добропорядочной служанке: бдительно проверяла, нет ли «хвоста», кружила по малолюдным переулкам, не спеша заявляться к домику у канала. Но как ни спокойно было в скрипучем убежище, ужинать и ночевать приходилось возвращаться в замок. После праздничного безобразия, официально отметившего победу, минуло пять дней. За это время Катрин не видела ни лорда Фиша, ни Маэла. Да и его величество не напоминал о себе. Видно, сильно огорчился страдалец тем несуразным предложением

«руки и сердца». Ладно, переживет как-нибудь.

Катрин частенько разглядывала солидного вида свиток, объявляющий ее владелицей Медвежьей долины, замка «Две лапы», пустошей и лесов у Черничной скалы, бродов и т. д. «Навечно». Позитивная, конечно, установка, да только где ее найдешь, вечность-то? Шпионка разглядывала каллиграфически выписанные буквы и шикарную королевскую печать. Спасибо, ваше величество, вот только как прикажете сие понимать? Как свадебный презент самому себе? Предусмотрительно – откровенную голодранку замуж брать просто неприлично. Но все равно забавно. Думала ли Екатерина Георгиевна когда-нибудь заиметь фазенду со столь пышным названием? Эх, интересно бы воочию глянуть...

Вообще-то дел и так хватало. Катрин снова тренировалась. Даллап с Энгусом бурно дискутировали, пересказывая слухи об известных мастерах боя, находящихся сейчас в Тинтадже. Катрин послушала, лично познакомилась с четырьмя профи и выбрала типа с самой скверной репутацией. Конечно, общаться с головорезом, имеющим отчетливо накорябанное на роже бандитское прошлое, дело малоприятное. Зато драться мерзавец умел. Шест, дубинки, нож – то, что нужно. Рубиться мечами и стрелять из лука куда аристократичнее, но Катрин понимала, что никогда не станет мечником профессионального уровня. Да и расщеплять в мишени стрелу стрелой вряд ли научится. Новоявленная леди-землевладелица предпочла получать синяки от дубинки

и деревянного ножа и платить за них по «короне» за урок. Деньги серьезные, но дело того стоило. Невзрачный тип по прозвищу Пупок оказался изобретательнее хромой лисицы. Катрин и не подозревала, что существует столько грязных приемов. К тому же наставник-душегуб никаких эмоций по поводу сумасшедшей девицы не проявлял, от комментариев воздерживался, учил делу.

В свободное от зарабатывания синяков время Катрин активно занималась расширением своего гардероба. Приходилось думать и о Блоод с Ингерн: служанка и «телохрани-тель» должны выглядеть достойно. Правда, кроме двух-трех нарядных вещей, все остальное почему-то сшилось «военно-полевым». Катрин с некоторым удивлением осознала, что готовится к путешествию.

Куда и зачем? Следы мистера Найта, кажется, были утеряны навсегда. Какой смысл уходить из столицы? Ладно, благодарнее быть готовым ко всему. Тем более жизнь у подножия трона всегда беспокойна.

Что ж у нас король молчит?

...Солнце палило вовсю. Канал ядовито благоухал. Катрин плотнее закрыла окно. Потерла ушибленный на тренировке локоть. Пора было возвращаться в замок.

Сытая Блоод лежала, обняв подушку.

– Поднимайся, лентяйка.

– Спешим? Король собрался? С силами?

– Без глумлений, пожалуйста. Пусть уж Его Величество подкопит силенки на какую-нибудь местную дамочку. Всем спокойнее будет.

– Хочешь, схожу? Успокою.

– Еще чего.

– Догадается и откажется?

– Не откажется, но запомнит. Он король. Самодержавное ответственное лицо. Если с ним что-то случится... Представь, как будет весело, если ты слегка перестаралась?

– Будет интересно.

– Ну интересно нам и так будет. И почему у нас вечно жизнь такая суетная?

У замкового моста девушек ждала нервничающая Ингерн.

– Вас искали. От лорда Фиша уже дважды посыльный приходил!

– Не тарахти. Мы что, на рынок сходить не можем?

Старый шпион собственной персоной встретил девушек во внутреннем дворе замка.

– Понимаю, понимаю, молодые дамы наконец-то уделяют должное время своей ослепительной внешности. Какие результаты! Я в восхищении. Прекрасная погода, прекрасные особы. Ах, леди Катрин, я как раз хотел узнать ваше мнение насчет того самого южного шелка... – Он так ловко подхватил Катрин под локоть и увлек в сторону, что Ингерн только

рот разинула.

– Погода действительно хорошая. Отряд из Кэкстона уже вернулся. Там, кстати, тишина и спокойствие. Посему король наконец вспомнил одно свое давнее обещание. Не волнуйтесь, Катрин. Речь лишь об окончательном уничтожении так запомнившихся нам всем механизмов. Тех, со Старого моста. Мы наконец измыслили, как их бесследно ликвидировать. Но дело требует известной тонкости. Знают о предстоящем событии всего несколько человек, и король отчего-то решил, что нам с вами следует непременно участвовать. Боюсь, завтра нам не суждено выспаться. И еще... Катрин, я покорнейше прошу – оставьте свою подругу в городе. Клянусь, ни ей, ни вам ничего не грозит. Я понимаю, что крайне неуклюже суюсь не в свое дело, но обстоятельства требуют от меня наглости. Королевские намеки следует воспринимать всерьез. Уж простите старика. К тому же присутствие ланон-ши впечатляет даже самых холоднокровных мужчин, а мы должны думать о деле. Люди ко всему способны привыкнуть, но нельзя же требовать от них все и сразу. Вы согласны?

– Вам виднее, милорд. В наше время люди склонны нервничать по сущим пустякам. Когда мы завтра выезжаем?

* * *

Как частенько и бывает в дни ответственных деяний,

утро выдалось так себе. Небо заволокло тучами, восходящее солнце тонуло в неприветливой серости.

Катрин, зевая, взобралась в седло. Вороной нетерпеливо переступал, звякал подковами по камням замкового двора. Ну хоть кто-то рад предстоящей прогулке. Застоялся, зверюга. Выезжая с пустынного двора, девушка глянула вверх. Приятно, когда тебя провожают. Блоод сидела на опоясывающем башню карнизе. По случаю столь раннего утра желтокожая хулиганка одеться не потрудилась, лишь бархатная повязка защищала глаза. Того, что подруга брякнется с карниза шириной с ладонь, можно было не опасаться, но вот от ее наготы хотелось поежиться. Утро было свежим.

Стражники, зевающие не менее яростно, чем ранняя путешественница, открыли ворота. И с чего это они так пасти рвут? Ночь-то у них выдалась наверняка поспокойнее.

Город только начал просыпаться. Копыта цокали по неожиданно просторным улицам. Даже воняло от стоков сегодня меньше чем обычно. Шпионка окончательно проснулась и почувствовала себя почти довольной жизнью. Правда, с низкого серого неба начало накрапывать, но в новой одежде было уютно. Короткая, отороченная собольим мехом курточка выглядела излишне теплой для летней поры, но только не в это противное утро. Куртка являлась результатом труда королевских портных, воплотивших в жизнь личные фантазии новоявленной аристократки. Этаким гибрид аке-

тона² и джека³, созданный из бархата и кожи. Защитные металлические бляшки выполняли скорее декоративную роль. Зато спина была украшена вышивкой: символическая пара отпечатков крупных медвежьих лап. Весьма политкорректно и, на взгляд владелицы, стильно. Хм, даже слишком стильно – рисунок между лопаток вышел излишне реалистичным. На древний, с трудом разысканный в королевской библиотеке герб «Двух лап», вышивка походила лишь отдаленно. Ладно, хорошо, что никто из тактичных виртуозов ножниц и иглы не задавал лишних вопросов. Впрочем, куртка получилась удобной. На новых брюках всякая вышивка и прочие декоративные излишества отсутствовали. Зато девушка замучила портных мудреными нововведениями в области карманов и продуманного тактического усиления штанин в области колен и филейной части – здесь ткань была двойная. Штаны вышли на загляденье, вот только по-настоящему оценить шедевр было некому. Мужчины косились с изумлением, дамы с раздражением. Ну и фиг с ними, не доросли еще подданные Ворона до правильных штанов. С обувью тоже возникли проблемы. Все сапожники, как сговорившись, предлагали сшить нечто миленькое, но годное исключительно для утомительных странствий от обеденного стола до постели. Одному из умельцев милостивая госпожа чуть по уху

² **Акетон** (acetone) – стеганая куртка. Могла надеваться под доспех.

³ **Джек** (jack) – дублет или куртка, усиленная металлическими пластинами или просто простеганная.

не съездила – шутил, гад, уж очень раскованно. Эх, разбаловалась шпионка, обленилась, нормального мастера в большом городе найти не способна.

Катрин опять машинально потерла свежий ушиб на предплечье. Ну, одного «нормального» мастера отыскала. Без сантиментов мужчинка. Немножко доплатить, так и прирежет ученицу, не моргнув глазом. В спарринге с Пупком шпионке частенько казалось, что она всерьез защищает свою жизнь. Или, по крайней мере, свою внешность. И как только Бло терпит эти фингалы и кровоподтеки, ежедневно обезображивающие подругу?

Провожаемая перешептываниями стражников, Катрин миновала уже открытые городские ворота. Навстречу, торопясь к открытию рынков, тянулись крестьянские телеги. Город жрал много, гадил еще больше, и покинуть древние стены было приятно.

Пора сворачивать к месту встречи. Катрин направила Вороного прочь от дороги – двинулись напрямик по пологому склону. Конь то и дело тянулся к свежей траве. Всадница предложила скакуну подождать со вторым завтраком. Перевалив за вершину холма, спешила и, не торопясь, осмотрелась. Никакой слежки вроде бы не видно...

В одеянии бедного фермера лорд Фиш был неузнаваем. Обе тяжелогруженные телеги были укрыты в зарослях. Рядом притаился невзрачный тип с взведенным арбалетом. Возможно, Катрин и раньше видела этого мужчину неопределенного возраста, но запомнить такое лицо сложно. Классический секретный сотрудник.

– Какое удовольствие вас видеть, миледи! Я опасался, что вы проспите. – Лорд Фиш ухватил коня девушки под уздцы.

– Да, имелась такая опасность. Утро сегодня мрачное, из постели выбраться сложно.

– Я просто счастлив, что вы справились. Нам было бы неизъяснимо печально лишиться вашего милого общества. Что за наряд на вас, Катрин? Я не видел ничего подобного на наших достойных дамах. Как, впрочем, и на наших храбрейших мужах. Положительно, вы очаруете всю страну. Весьма, весьма оригинально.

Катрин улыбнулась:

– Рада, что вам понравилось.

С одеждой было все в порядке: зеленый бархат, коричневая кожа. И в городе симпатично выглядит, а здесь, с двадцати шагов, на фоне зелени, фигура шпионки превращалась в неопределенное пятно. Вот только яркие волосы требовалось упрятать под косынку.

Лорд Фиш пригласил девушку присесть. Главный шпион с чувством рассказывал о том, как тяжело ему, старенькому, пришлось с телегой, как он чуть не застрял в городских воротах и какими словами его крыли стражники и встречные возницы. Поездка в образе селянина доставляла одноглазому хитрецу очевидное удовольствие.

Наконец появились остальные участники операции по захоронению останков секретного оружия. Катрин увидела троих всадников: Его Величество, лорд Маэл, третьим был суровый пожилой мужчина. Этого обладателя длинной бороды девушка помнила. Еще бы, незатейливое имя – Гварт-эддиг, такое, если запомнишь, забыть уже трудно. Один из королевских советников. Важная шишка, на пиру держался чопорно, неприступно, как будто алебарду проглотил. Сама Катрин советнику активно не нравилась, и милорд, пусть и молча, но давал это почувствовать. Впрочем, шпионку такое отношение не слишком расстраивало. Обойдемся без учтивой болтовни. В конце концов, если король этого советника приволок, пусть сам язык и ломает, величая его по имени.

Король спрыгнул с коня, кинул на девушку один-единственный короткий взгляд, сдержанно кивнул и обратился к главному шпиону:

- Мы готовы, лорд Фиш?
- Конечно, мой король.
- Тогда не будем терять время.

Маэл украдкой улыбнулся девушке. К луке седла сотника была привязана пара зайцев. Вот и еще безвинные жертвы конспирации. Благородные лорды переодеваться в простолюдинов не пожелали и изображали охотников.

– Вперед, мы и так потеряли время.

Телеги с поклажей, замаскированной пустыми мешками и корзинами, выбрались на заросшую лесную дорогу. Четверо верховых двигались следом. Все молчали. Что было причиной этому напряженному молчанию: то ли угроза засады, то ли нежелательное женское присутствие, Катрин не знала.

Дорога тянулась вдоль опушки леса. Временами деревья подступали так плотно, что Катрин приходилось отводить от лица ласковые ясеневые ветви. Впереди чуть слышно поскрипывали тщательно смазанные колеса. Стук копыт и во все гас в мягкой почве.

Небо потихоньку просветлело. От наметившегося было дождя не осталось и следа. Становилось жарко. Отмахиваясь от насекомых, Катрин подумывала – не снять ли куртку? Под ней была новенькая шелковая безрукавка. Маэла и шпионов девушка не стеснялась, но король и аскетичный лорд Гварт-эддиг вряд ли спокойно воспримут нововведение в виде открытой майки.

В ветвях расщербетались птицы. Все вокруг было мирно и скучно. Катрин глотнула из фляги, шире распахнула курточку, подставляя ветерку шею. Возникли логичные мысли об

обеде. Завтрак теперь казался слишком легким.

– Маэл, – внезапно у короля прорезался голос, – мы уже близко. Тебя не затруднит проверить дорогу? Было бы глупо попасться на чьи-то глаза у самой цели.

– Конечно, мой король. – Сотник прищипорил коня и с явным воодушевлением обогнал телеги.

Король посмотрел ему в спину и покачал головой:

– Маэл – один из лучших моих командиров, но всегда ведет себя так, будто за его спиной уже выстроился строй щитоносцев. Гвартэддиг, прошу вас, двигайтесь вместе с ним. Здесь нужен опытный глаз.

Не соизволив ответить, советник двинулся вперед. Спина его выражала явное презрение, и оставалось только гадать, предназначено это чувство всему миру или исключительно наглай претендентке в королевские фаворитки.

– Катрин, вы ничего не желаете мне сказать? – негромко спросил король.

– Хочу, конечно. Мы движемся в столь трагичной тишине, что просто мурашки по коже бегает. Но я не решалась привлечь ваше внимание. Вы заметили, что погода налаживается?

– Вы весьма наблюдательны. Больше ничего не заметили?

– Мне кажется, и вы, и милейший лорд Гвартэддиг сегодня чрезвычайно мрачны. Мы ждем засады? Иных угроз? Придется отложить обед до ужина?

– Похоже, я уже угодил в западню, – мрачно изрек хозяин Тинтаджа и замолчал. Постукивали копыта по каменистой дороге. – Уместно ли говорить с королем, как с придурковатым огородником? – продолжил король после солидной паузы, и голос монарха звучал на диво сдержанно.

– Не уместно, – буркнула Катрин. – Прошу прощения. Искренне. Мне стыдно выглядеть столь дурно воспитанной. Наверняка виновато мое смущение и недогадливость. Никак не могу понять, зачем мне задают вопрос, ответ на который очевиден.

Король ехал рядом, и его колено временами касалось колена девушки. Катрин напряглась:

– Ваше Величество, мне хочется быть честной. Вы оказали мне великую честь, но... Слишком ответственная миссия. Я определенно не чувствую себя к ней готовой. И вообще, земли Ворона мою кандидатуру не одобряют. Я вообще особа взбалмошная и ненадежная. Если у меня когда-нибудь будут дети, я в принципе не способна, да и не желаю, их с пеленок воспитывать государственными деятелями. Скучно же аж до зубной боли. В общем, простите меня. Я не могу и не хочу быть королевой.

– Не спеши. Ты ошибаешься. Это от молодости. Фехтование, скачки, лихие стычки, упоение брызгами горячей крови врагов – забавы для юнцов. Кстати, более отвратительной компании для молодой леди, чем этот ваш Пупок, мне трудно представить. Но дело не в этом. Существуют истинные,

серьезные, взрослые игры. Насколько они увлекательнее, ты поймешь, когда будешь рядом со мной.

– Вряд ли. Политика не для меня.

– Миледи, вы находитесь на моей земле. Мои предки более двухсот лет правили этим миром. Правила крепкой и справедливой рукой. Они точно знали, что нужно древнему Ворону. Знаю и я. Советую не забываться.

Возразить на этот совет было нечего.

«Вот поперлась на пикник, как дура. Еще и без Бло. Влипла...»

Лорд Фиш привстал на телеге:

– Озеро, мой король...

Катрин попыталась ответить безмятежной улыбкой на многозначительный, не обещающий ничего хорошего, взгляд самодержца. Король раздраженно послал коня к ожидающим указаний спутникам.

Уединенное озеро затаилось в тесном обрамлении камышовых зарослей и скал. Водоем не превышал размером рыночную площадь, но, по слухам, был бездонным. Сейчас черная с легкой прозеленью вода казалась неподвижным стеклом. Отряд направился к развалинам хижины на берегу.

Грубо связанный плот был спрятан в камышах. Шпион-возница пригнал плот ближе к хижине и перебрался на берег. Он и лорд Фиш молча разошлись – им отводилась

роль дозорных. Сбрасывая с телеги мешки маскировки, король вполголоса пояснил:

– Шпионы весьма полезны Короне и Тинтаджу. Но, возможно, кому-то они покажутся еще полезнее.

Катрин и неразговорчивый лорд Гвартэддиг промолчали. Маэл осмелился осторожно возразить:

– Лорд Фиш много сделал для Короны.

– Помню. Остается вопрос – сделал ли он все, что был обязан сделать?

Грузить втроем короткий и непослушный плот оказалось делом непростым. Мужчины, сопя, волокли обгорелые и погнутые орудийные стволы. Суровый королевский советник давненько не занимался гребным спортом и с трудом удерживал непослушный плот на месте. Катрин сбросила куртку и сапоги и двинулась на помощь. Вода обожгла холодом ступни. Девушка подхватила свободный шест. Гвартэддиг покосился, но отвергать дамскую помощь не стал. Король и Маэл переносили на плот обернутые полотном обломки лафетов. Груда до сих пор воняющей пороховой гарью рухляди быстро росла. Наконец мужчины в последний раз прошлепали по мелководу:

– Плыдем...

Шест все еще доставал до дна, Катрин упиралась, перебирала руками. Мужчины трудились рядом, волевым усилием отводя взгляды от девичьей безрукавки. И как все здесь мо-

дой интересуются, просто удивительно.

Дно кончилось. Весла из шестов были никакие – плот почти перестал двигаться.

– Мы выглядим глупо, – пробормотал король, – нужно было взять людей, которые с этим делом могут справиться лучше.

– В замковой кузне хорошее железо могло бы пригодиться. Его бы перековали под моим присмотром, и, я вас уверяю, ничего бы не случилось, – проворчал взмокший Гварт-эддиг.

– В Кэкстоне пришлось обезглавить пятерых кузнецов. Еще четверых ищут. Я не желаю рисковать своими собственными мастерами.

– Вероятно, вы правы, мой король, но осмелюсь напомнить, что я очень плохо плаваю. – Советник кинул взгляд на темную глубину.

– Мы вас непременно спасем, милорд, – уверил Маэл, бултыхая шестом в воде.

– Благодарю вас, сотник. Но если мы перевернемся, в первую очередь придется вытаскивать юную даму. Потом вам и нашему королю надлежит спасти свои, без сомнения, куда более ценные для Короны жизни. Жалкий остаток дней жизни такого старика, как я, не столь уж важен для королевства. Наш друг, лорд Фиш, будет счастлив. Он давненько лелеет мечту о моем случайном исчезновении. Кстати, вы помните, что женщина в лодке – к несчастью?

– Древнее суеверие, – сочла возможным вмешаться Катрин. – И относится исключительно к морю, а не к такому карасиному пруду, как эта лужа.

– Можно подумать, вы много понимаете в морских делах. Книжки дают весьма превратное впечатление о бесконечности и опасности соленой стихии.

– В соленой воде легче плавать. Мне нравится море.

Трое мужчин бросили размешивать озерную гладь шестами и уставились на девушку:

– Позвольте спросить, какое море видела миледи, Фейрефейское или Южно-Глорское? Или доводилось бывать у Амбер-Озера? Оно хоть и велико, но едва ли его можно сравнить с истинным морем.

– Не имела счастья. Видела Черное, Азовское, немножко Средиземное, ну и за Геракловы столбы слегка заглянула.

– Про Генракла я что-то слышал, – неуверенно пробормотал Гвартэддиг.

– Конечно. Герой известный. Он еще гинекологическое древо взрастил, – подтвердила Катрин.

Мужчины нерешительно переглянулись.

– Давайте грести, – сказал король. – Леди Катрин нас потом просветит...

...Последний искореженный блок стволов булькнул и ушел на далекое дно. Облегченный плот закачался на волнах, всем пришлось присесть, чтобы удержаться на ногах.

– Все. С огненной дрянью навсегда покончено, – объявил король.

Катрин сомневалась. На ее взгляд, куда важнее был секрет огненного зелья. Впрочем, сейчас огорчать монарха не стоило. Достаточно того, что шпионская служба весьма упорно занимается розыском сведущих в секретах «алхимиков».

До берега добрались благополучно. Мужчины с облегчением покинули шаткий плот. Катрин очень хотелось задержаться, заплыть к камышам и попробовать выловить что-нибудь рыбно-свеженькое. Леска и крючки истосковались, дожидаясь своего часа в дорожном мешке. К сожалению, сейчас не получится. Рыбалку король наверняка воспримет как очередное бабье издевательство.

Внутри осыпавшихся стен хижины уже пылал костерок. Безымянный подручный главного королевского шпиона споро свеживал несчастных зайцев. Против обеда ни у кого возражений не было.

– Мой король, милорды, вы простите, если я отлучусь, дабы умыться и привести себя в порядок?

Король сделал вид, что не слышит. Гвартэддиг проворчал:

– Если у вас хватит здравого смысла не отходить далеко...

Куртку и сапоги Катрин брать не стала, лишь заткнула за пояс ножны с кукри. Прыгать босой по песку и камням было колко, но приятно. Камыши скрыли развалины хижины, человеческие голоса умолкли, и сразу стало легче. Просто

жуть, как устаешь от этих премудрых политиков.

Обнаружился узкий проход к воде, и Катрин оказалась у крохотной заводи. Ветра не было, темное стекло воды лежало у ног как неживое. И неживое.

Девушка присела и без особой надежды положила на водную поверхность ладони. Сердце екнуло. Почти сразу над гладкой поверхностью появилась голова навы. Катрин осторожно помахала озерной хозяйке и положила на песок монету с продетым в нее шелковым шнурком. Нава высунулась из воды повыше, удивленно посмотрела. Мелькнули кругленькие красивые груди. Речная дева тут же скрылась под водой, но не успела Катрин удивиться, как нава появилась вновь. В ее руках панически бил хвостом крупный полосатый окунь. Катрин, улыбаясь, отрицательно покачала головой. Нава постаралась повторить ее движение и исчезла. Оставалось надеяться, что не обиделась.

Катрин стянула с себя штаны, майку и ступила в воду. Дно резко ушло из-под ног. Плавала шпионка недолго. Судя по температуре воды, здесь стоял какой-нибудь март месяц, а не середина лета. Катрин выскочила на песок, натянула на мокрую кожу безрукавку.

– Холодно?

Король подошел незамеченным. Сама виновата, нечего было плескаться и бултыхаться как оголодавший пингвин. Вот как теперь штаны надевать?

– Весьма холодно и глубоко, Ваше Величество. Наши по-

корёженные ценности надёжно упрятаны. Не хотите лично проверить?

– В другой раз. Лорд Фиш клянётся, что глубину невозможно промерить, а в подобных деталях я склонен доверять старому вралю.

– Отчего же «вралю»?

– Он так и не сказал всей правды о вас.

– Правды? Сугубо философская категория. Всей правды о себе я и сама не знаю. С чего бы её знать пожилому, весьма загруженному куда более серьёзными проблемами, человеку?

– Он умалчивает о том, что знает. Это внушает некоторые подозрения, вы не находите?

– Вам виднее. Хотя во время последних событий у меня сложилось впечатление, что у Короны нет опоры надёжнее лорда Фиша.

– Интересы короля выше интересов Короны.

Катрин пожала плечами:

– Поистине, женскому уму ту разницу в интересах постичь невозможно.

Интересно, не подглядел ли король общение гостыи с навой? Этак недалеко и до обвинения в государственной измене и сговоре с агентами иностранных военно-морских сил.

– Король обязан смотреть шире, – продолжал настаивать властитель Тинтаджа.

Кажется, в данный момент король стал смотреть не столь

шире, как ниже.

— Если я надену штаны, нам будет куда удобнее вести дискуссию, — предположила Катрин.

— Не торопитесь. Даже королю редко приходится видеть столь красивые ноги.

— Я польщена, но вы меня страшно смущаете.

— Катрин, перестань кокетничать. Даже без сплетен старика я знаю о тебе достаточно. — Король шагнул к Катрин. Без рубашки, с обнаженным мускулистым торсом, в изобилии покрытым бледными росчерками шрамов, Его Величество не слишком походил на монарха. Просто решительный мужчина. Жутко решительный и весьма возбужденный.

— Подождите, я же замерзну...

Король приближался сквозь камыш с уверенностью буйвола, и у Катрин возникла паническая мысль запрыгнуть обратно в озеро.

— Ты не замерзнешь. — Король неожиданно упал на одно колено и обхватил бедра девушки. — С тобой никогда ничего не случится, я обещаю. Ты станешь хозяйкой моего замка, поделишь со мной трон и ложе. Сами боги желают, чтобы ты была со мной. Мы забудем о твоих шалостях и увлечениях, как бы экстравагантны они ни были. Все это уже забыто. Каждый, кто осмелится об этом напомнить, лишится головы...

Катрин было паршиво. Ее замерзшую попу со страстью обнимали, коленопреклоненный монарх продолжал нести

какую-то чушь, и вырываться было неловко.

– Ваше Величество...

– Нет, ты должна понять. Ты мне нужна. Никто и никогда не был мне настолько нужен. Я готов на многое...

– Я догадалась. Для начала отпустите мои ноги, и поговорим серьезно.

– Не хочу отпускать. Твои ноги чудесны – гладкие, прохладные. Твои волосы, твои изумрудные глаза... Ты не представляешь, что значит для мужчины держать в объятиях по-настоящему желанную женщину. Обними меня, Катрин...

– О, боги! Мой король... – Шпионка чувствовала, что ее довольно бережно, но настойчиво тянут на песок.

– Иди ко мне, глупышка. Тебе будет хорошо.

– Что значит хорошо?! Да мне всю задницу мигом исколет. Поверьте, я счастлива видеть, что главный скипетр королевства вернулся в строй, но это же не повод немедленно пускать его в дело. Видят боги, мужская слабость – недуг крайне сложный, запросто можно подорвать неокрепшее здоровье...

Король не только отпустил хамку, но и мгновенно вскочил на ноги:

– Да как ты смеешь?! Кто посмел разносить эти грязные слухи? Проклятая ложь!

– Ну, меня злонамеренно ввели в заблуждение. Я и сама вижу. Зачем волноваться? Я не хотела вас оскорбить, у каждого мужчины возникают легкие временные сложности. Тем

более, похоже, все ваши неприятности позади...

Король побагровел, шрам на щеке казался недописанным белым иероглифом.

– Девка! Развратничаешь с ночными тварями, с этими гнусными полуживотными, и еще смеешь издеваться над королем?! Будь проклят день, когда я тебя увидел. Шлюха бесстыдная! – Венценосец проломился сквозь камыш и исчез по направлению к хижине.

– Ну и пошел ты, дебил, – проворчала Катрин и наконец натянула штаны.

Обед прошел в напряженном молчании. Король ни на кого не смотрел. Катрин жевала безо всякого воодушевления, хотя зайчатина оказалась на диво нежна. К счастью, трапеза не затянулась.

– Маэл, я желаю еще поохотиться. Дело к вечеру, так что едем не откладывая. Остальные возвращаются в город. Без сомнения, леди Катрин будет чувствовать себя в полнейшей безопасности под опекой наших мудрых старцев.

Лорд Гвартэддиг возглавил крошечную колонну. Вести беседу с королевским советником девушка не имела ни малейшего желания, поэтому держалась рядом с последней повозкой. Главный шпион чмокал губами и подгонял не желающих шевелиться лошадей.

– Скоро начнет смеркаться, а нам еще тащиться и тащить-

ся. Я понимаю, что общество дряхлых старикашек нагоняет уныние. Но раз уж так вышло, не откажитесь немного потрястись рядом со мной. Поболтаем...

Катрин уселась на телегу. Трясло изрядно, хорошо хоть на тряпье и мешках было помягче. Гордый вороной презрительно косился, дергал повод, – плестись за телегой ему явно не нравилось.

– Плохо дело? – спросил старый шпион.

– Как сказать. Пока голова с шеей не рассталась.

– Но король недоволен?

– Вы тоже заметили? Король больше чем недоволен, – он неудовлетворен. И мной, и почему-то вами.

Одноглазый старик поскреб пушистую бородку:

– Нехорошо. Опасно, я бы сказал. Нашему счастливому, но простоватому королевству подобное нервное расположение духа нашего повелителя сулит сплошные неприятности. Спокойный властитель – спокойная страна.

– Очень вас понимаю. Увы, я делала все, что могла. Не вышло. Надерзила, каюсь. Но иначе получилось бы отчаянное вранье и словоблудие. Или просто блудие. Хм, с продолжительными и непредсказуемыми последствиями.

– Да, затянувшаяся двусмысленность была бы только во вред. Нам нужно поблагодарить юную леди.

– Не стоит. Лучше посоветуйте что-нибудь умное.

Лорд Фиш хихикнул:

– Умное? Вот уж не знаю. С таким предложением ко мне

почему-то редко обращаются. Вечно я норовлю сболтнуть что-нибудь раздражающе и вопиюще глупое. Правда, небесполезное, но уж умным-то вряд ли кто тот никчемный совет вздумает назвать...

– Ну, в виде исключения. Только между нами.

– В виде исключения, могу посоветовать предпринять небольшое путешествие. Возможно, вам стоит хотя бы на время покинуть наш славный город. Мне искренне жаль давать столь неучтивый совет, но лучше тебе побыть подальше от короля. Ты уж извини. Тележные советы, они такие. О, к нам приближается милорд Гвартэддиг. Неужели мы заблудились?

Королевский советник высокомерно глядел с высоты седла своего пегого мерина:

– Лорд Фиш, если вы в очередной раз обливаете меня грязью, то извольте повременить до следующего раза. Я хочу поговорить с вами обоими без грязных шуточек.

– Ну что ж, милорд, присаживайтесь. Когда еще двум старикам удастся прокатиться в великолепном экипаже, да еще в компании прекрасной леди?

– Да, миледи заслуживает искреннего восхищения. Естественно, не за бесцеремонность, переходящую границы приличий. Но прямоу, пусть и крайне вульгарно выраженную, я все еще способен оценить. Кстати, Фиш, похоже, наши впечатления от необъяснимого опьянения, обуявшего нашего короля, совпадают. По крайней мере, сегодня мы с вами рис-

куем стать союзниками. Вам не кажется, что леди Катрин должна исчезнуть?

– Увы, в данном вопросе вынужден с вами целиком и полностью согласиться.

– Э, милорды, если зародилась мыслишка прирезать и закопать меня в лесу, то я буду категорически возражать, – Катрин несколько встревожилась.

– Как можно, миледи?! Вы такая энергичная и высокорослая девушка, а у нас даже лопаты нет...

– Не время для шуток, давайте все тщательно обдумаем, – оборвал шпиона лорд Гвартэддиг.

– Хорошо-хорошо, милорд. Все еще мечтаете об удачном замужестве вашей племянницы?

– Любой человек счел бы за высшую честь породниться с королевской кровью. Но очевидно, крошка Керди не является олицетворением женской привлекательности в глазах нашего короля. Так что меня побуждают исключительно государственные интересы. И не будем гневить богов. В конце концов, леди Катрин заслуживает некоторого уважения за свою роль в последних событиях. Итак, у нас есть какие-нибудь соображения, где юная леди сможет отдохнуть от навязчивого королевского внимания?

– Я, кажется, пожалована землями, – неуверенно сказала Катрин. – Или теперь о наградах можно забыть?

Гвартэддиг возмутился:

– Король волен вас казнить, но отобрать Медвежью доли-

ну закон позволяет лишь в случае неопровержимых доказательств измены Короне Ворона. Но скрываться в глуши, тем более в Медвежьей долине...

– ...Чистое безумие, – закончил старый шпион. – Замок «Две лапы» весьма таинственное и небезопасное место.

– Угу, странно, что я еще не там, – угрюмо заметила Катрин. – Раз мои чудные владения на отшибе, возможно, Его Величество призадумается, прежде чем нанести личный визит...

Глава 2

Огрызок яблока в плывущее полено не попал, булькнул рядом. Катрин недовольно закрыла окно. Вот так сидишь как дура, последние снайперские навыки теряешь.

Несостоявшаяся королевская фаворитка находилась на нелегальном положении второй день. Вроде бы не так долго, а впору озвереть от скуки. Вчера лорд Фиш прислал записку, в которой настойчиво просил не появляться на улице без особой необходимости. Отъезд откладывался.

Катрин вытянулась на кровати. Когда скрип расшатавшегося ложа затих, девушка слышала внизу шаркающие шаги хозяйки и стук горшков. Пахло бараньим рагу.

Вот она, старая, добрая шпионская жизнь. Чем плохо? Сейчас покормят. И дальше валяйся, бездельничай. Толстей.

Нет, было плохо, скучно, и разные сомнения одолевали. Во-первых, толстеть не хотелось, а во-вторых, Блоод не появлялась уже второй день. Катрин с некоторым ужасом осознала, насколько привыкла к неизменному присутствию желтокожего создания. Теперь вот даже засыпается с трудом.

Ладно, это от безделья.

Поскольку до дегустации рагу оставалось время, шпионка занялась очередной проверкой снаряжения. Ножи-«лепестки», глефа, старые самодельные ножны для кукри, новые поясные ножны... Знакомое до последней мелочи содержимое

дорожного мешка. Новые сапоги шить уже поздно. Ну да ладно, старые, испытанные, еще не один десяток переходов выдержат. Тем более что и Вороной никуда не делся и можно не только на свои ноги надеяться. Одежда? Катрин чувствовала себя практически нищей. С ней осталось только то, в чем шпионка опрометчиво отправилась на «артиллерийский» пикник. Хорошо еще глефу и походный мешок не постеснялась прихватить.

Все остальное имущество и ценности оставались в замке вместе с Блоод и Ингерн. И что там творится, Катрин не понимала. Кроме единственной короткой записки лорда Фиша, вестей не было.

Не проще ли облегчить всем жизнь и покинуть город в одиночестве? До Медвежьей долины, конечно, налегке не доберешься. Ну и нечего тешить свое самолюбие. Тоже аристократка-латифундистка нашлась. Дорог-то много...

После рагу Катрин погуляла во дворе, послушала, как за высоким забором перекликаются возвращающиеся домой, порядком подвыпившие, каменщики. Делать было нечего, и девушка отправилась спать.

Легко сказать. Спать не хотелось. Хотелось другого. И чересчур теплое одеяло мешало расслабиться. Ох, расслабиться... В голову лезли неупорядоченно-непорядочные мысли. Кроме нежных коготков Бло, привиделся почему-то король. Несколько более раздетый, чем помнился по судьбоносному

свиданию на берегу озера. Нити белых шрамов отнюдь не делали монарха безобразным. Что или кто оставили столь многочисленные отметины на теле, сейчас не имело значения. Главное – венценосный мужчина был недурно сложен и на первый взгляд очень здоров. И чего, чудак, комплексовал?

Ночной отдых. Чистое издевательство. Только и ворочаешься с боку на бок...

* * *

Кто?! Голова еще тонула в сером мареве. Под утро навалился настоящий сон, и вырваться из него мигом не получилось. Пальцы стиснули обтянутую кожей рукоять ножа. Из-под подушки Катрин оружие не выдернула. Присутствие чужого не было страшным. И вообще это не чужой... Кончик языка скользил по горячей со сна шее. Узенький язычок, дразнящий и безумно приятный...

Бло.

– Хватит. Спать.

Катрин резко перевернулась на спину, схватила узкие запястья в браслетах. Блоод отпрянуть не успела.

– Да мы еще и не начали спать, – прошептала Катрин.

– Не сейчас. – Ловкий язычок суккуба ускользнул. – Одевайся. Нужно быстро, – прошептала Блоод.

Катрин в некотором изумлении соскочила с постели и принялась натягивать одежду. Для того чтобы Блоод отка-

залась даже от короткого удовольствия, требовались весьма веские причины.

– Можно уйти. Сейчас. Быстро. Одноглазый приготовил, – пояснила суккуб, спешно упикивая в мешок немногочисленные пожитки подруги.

За окном едва начал сереть рассвет.

Вслед за скользящей тенью ланон-ши шпионка выскочила во двор и с изумлением увидела старуху-хозяйку, уже закончившую седлать коней. Забираясь в седло, Катрин хотела поблагодарить шпионскую хозяйку за приют, но Блоод уже нетерпеливо двинулась к приоткрытым воротам. Кони, как всегда трепетно прислушивающиеся к желаниям суккуба, резво взяли с места. Девушка едва успела кивнуть безмолвной старухе...

Копыта стучали по мостовой. Блоод обернулась.

– К Северным воротам, – прочла по губам Катрин.

К Северным так к Северным. Катрин понимала, что, бездельничая на скрипучей кровати, пропустила нечто важное. Ну да ладно, единственное существо, за которым можно следовать, не задавая вопросов, – это именно Бло. Детали уточним позже. Больше беспокоил плохо привязанный к седлу мешок и кукри, в спешке засунутый прямо за пояс.

Когда улица вывела их к площади у городских ворот, Катрин, к своему удивлению, не увидела ни единого стражника. Сонный Тинтадж подчеркнуто равнодушно выпускал де-

вушек. Надо думать, устроить такой фокус было нелегко.

Беглянки возились с тяжелым запорным брусом. Вокруг пахло смолой и свежими стружками. Ворота лишь недавно и на скорую руку отремонтировали. Кони нетерпеливо перебирали копытами – всем хотелось на волю.

В полной тишине девушки выбрались из города. Наверное, за ними наблюдали, но Катрин не чувствовала ничьих взглядов. Лишь промелькнуло смутное сожаление – отчего-то не хотелось, чтобы Тинтадж запомнился городом-призраком.

Подруги проехали мимо знакомых виселиц. Тела из петель исчезли, но и пустующие, грубо сколоченные сооружения выглядели весьма многозначительным напоминанием.

Скоро Блоод направила коня прочь от дороги. Двигались беглянки быстро, и Катрин по-прежнему не могла выяснить, что, собственно, происходит. Кони резво уносили всадниц к опушке далекого леса. Для сугубо ночного и городского создания суккуб уже недурно ориентировалась на просторе.

– Здесь. Кажется. – Блоод показала на отделенный от общего лесного массива островок древних дубов. – Или дальше?

– В любом случае местечко недурное. Не волнуйся. Если рощица не понравится, найдем другую, – утешила подругу Катрин.

– Да? Не найдем вещи. А кушать? Захочешь?

– Вот тоже проблема. Перейду на твое меню. Будет забав-

но.

– Очень. Голод. Будешь так худая. – Блоод показала отставленный «средний» палец. Обтянутый перчаткой длинный пальчик четырехпалой ладони выглядел очаровательно.

Пока Катрин хихикала, подруга сосредоточенно оглядывала окрестности.

– Здесь? Или там? Деревья одинаковые.

– Конечно, не то что крыши и трубы. Если нам все равно ждать, поехали в лес. Незачем на опушке торчать как два богатыря...

Пришлось объяснять, кто такие богатыри. На просторах земель Ворона странствующие рыцари, паладины и прочие гордые индивидуальные витязи отсутствовали напрочь. В одиночку искателям приключений чересчур легко было найти эти самые приключения.

– Слов много. Как всегда у людей. Богатыри, хм. На самом деле. Самцы на лошадях, – прошелестела Блоод, привязывая лошадь и подозрительно оглядываясь. Ей все не давали покоя сомнения – туда ли она привела подругу?

– В общем – да. Здоровенные такие, наглые, но эпично геройские мужчинки, – согласилась Катрин.

– Вид и вкус. Разное. Не угадаешь.

– Не буду спорить. Как дегустатору, тебе нет равных. Слезай с животного и не верти головой. Будем ждать. То это место или нет, нас найдут. Не найдут, – обойдемся.

– Жалко. Столько возни.

Подруги сидели на разостланном «боевом» плаще. Блоод рассказывала о тотальной шпиономании, охватившей королевский замок. Все следили за всеми: люди короля за пронырами лорда Фиша, агенты сурового Гвартэддига за теми и другими сразу. Одноглазый шпион, невзирая на всю двусмысленность противостояния, пришел в восторг – обновленные секретные службы Тинтаджа оказались значительно работоспособнее, чем до сих пор представлялось. Высунуть нос из замка ни Ингерн, ни Энгус, не могли. Даже за Даллапом все время таскался «хвост». Конечно, суккуб в темноте могла бы с легкостью исчезнуть, но не было смысла. Лорд Фиш никак не мог передать карту и письмо. Кроме того, имелась еще уйма заготовленного в дорогу снаряжения и припасов, – Ингерн с компанией постаралась.

Катрин удивлялась. С чего бы это Ингерн с супругом рвались покинуть столицу и теплое место в замке? От Энгуса еще можно ожидать тяги к перемене мест, но новобрачные? – Глаза. Даже в уборном месте. Кому понравится? – объяснила Блоод. Привычка людей облегчаться в специально отведенных местах и связанные с этим формальности неизменно забавляли ночную кровопийцу.

Пара телег в сопровождении всадника показались ближе к вечеру. Девушки успели к этому времени здорово отдохнуть. Так здорово, что Катрин хотелось для разнообразия

просто повалиться на плаще. Она со вздохом поднялась на ноги, Блоод ту же затянула шелковую повязку на глазах, и по-други вышли на опушку встречать дорогих гостей.

Гости были злы. Они заплутали, и Ингерн энергично возлагала вину за бездарно потерянное время на обоих мужчин. Те слабо огрызались. Катрин скрывала ухмылку – возвращалось давнее славное времечко. Правда, сейчас на двух повозках имелось столько съестного, что впору прокормить полусотню латников.

Разбираться с содержимым телег командирша не стала. Все равно что-то менять поздно. Катрин потрепала по шее Белесую. Кобыла возглавляла шествие и выглядела, как всегда, полудохлой. Ни малейших сомнений – животное имело отличные шансы пережить всех присутствующих.

– Хватит ругаться. Потом продолжите. А пока давайте карту.

* * *

Путь отряда лежал на запад. Надлежало тщательно обходить редкие поселки, хутора и городки. Десять-двенадцать дневных переходов. Не так уж много, но если учитывать пустынную западных земель, просто непостижимое расстояние для большинства напрочь лишенных тяги к туризму коренных обитателей Короны Ворона. Впрочем, спутники Катрин не успели отвыкнуть от ночевки под открытым небом,

и отряд двигался уверенно, но без спешки. Ингерн потчевала товарищей ужасно жирными похлебками, сладкими коржами и прочей весьма калорийной снедью. Вероятно, изначально путешествие виделось сплошной чередой битв и прочих утомительных дел, требующих немыслимого напряжения сил и энергии, но пока ничего подобного не происходило. Лишь в одну из ночей нечто злонамеренное и непонятное пыталось подобраться к лошадям. Обруганная и обстрелянная камнями из пращи таинственная тварюга спешно исчезла, так и не дав себя рассмотреть. Истосковавшаяся по боевым действиям Ингерн была всерьез разочарована.

* * *

Ножки у грибов были толстенные, пальцами не обхватишь. Бархатисто-коричневую шляпку уже пробовали слизняки. Гриб пах так же дивно, как и там, в другом мире. Катрин пожалала плечами и положила огромного красавца на мох. Ингерн и Даллап эти самые грибы есть категорически отказывались. Не принято, видите ли. Краснопятки и сопливники им подавай. Зажрались совсем в этом глобальном заповеднике.

– Почему ножом? Разве живой? – спросила Блоод.

Катрин вернула в ножны нож, которым срезала гриб:

– Чтобы грибы в лесу не переводились. У меня на родине такое поверье. Хотя такие грибочки, как здесь, можно и ме-

чом рубить, – вряд ли им повредит.

С поляны тянуло дымком разжигаемого костра и слышался возмущенный голос Ингерн. Что-то на вечную тему «не туда дрова» положили. Вот с чего тихая, милая девица вдруг этакой вздорной бабой становится? Поговорить с ней, что ли? Особых иллюзий насчет собственных педагогических талантов Катрин не питала. Наорать, хворостиной пригрозить, конечно, можно, но как на такие воспитательные меры муж скандалистки посмотрит? Впрочем, не исключено, что и одобрит.

– Дождь собирается. Папоротник мазать? – Блоод положила невесомые ладони на плечи подруги. Саму желтоглазую девушку ни комары, ни другие насекомые не трогали. Чувствовали родственницу по кровопусканию.

– Пойдем к ручью.

Они шли рядом. Вернее, Катрин шла, а суккуб скользила через подлесок, почти так же изящно и бесплотно, как привыкла двигаться среди родных каменных стен. Желтокожий эльф. Никаких поэтично-длинноногих ушастых эльфов в мире Эльдорадо, насколько было известно Катрин, не существовало. Теперь вот появился. И ноги вне конкуренции, и костюмчик с широкими брюками уже в меру обтрепался, перестал быть вызывающе новым. Черная лента, закрывающая глаза и заодно утихомиривающая буйные шелковистые волосы, казалась удачным аксессуаром. Выглядела Блоод прелестно. Людские украшения ей нравились, и те-

перь серебро на запястьях и шее, узкий кинжал убийцы на поясе придавали ланон-ши слегка карнавальный, но весьма человеческий вид.

– Нравлюсь? – спросила Блоод.

– Угу. Особенно твое ночное зрение. – Катрин отогнала слишком назойливого комара.

– Видеть плохо. Люди не хотят. Ничего замечать. И правильно.

– Вот как? Раньше ты не делала столь пессимистичных малодушных умозаключений. С чего бы это, не объяснишь?

– Может быть. Потом. Сначала комары.

Ручей был мелок, не выше колена. Катрин немножко поплескалась, потом лежала на предусмотрительно захваченном плаще. Ладони Блоод, пахнущие растертым папоротником, скользили по коже. Подруга нежно втирала свежий прохладный сок. Места, в общем-то не слишком доступные для комаров, руки суккуба тоже не миновали. Катрин протестовать и не думала. Зажмурившись, начала постанывать. Процедура по отпугиванию кровососущих мягко перешла в неуместное баловство...

...Не утруждая себя принятием вертикального положения, Катрин на четвереньках подползла к ручью, окунула разгоряченное лицо и напилась. Встряхнула головой, отбрасывая с лица светло-желтые густые локоны. Надо бы под-

стричься. Ну или хотя бы рубашку надеть. И вернуться в лагерь. Сумерки быстро густели. Сейчас Ингерн припрется на ужин звать или мужа пришлет...

– Нужно возвращаться, – сообщила Катрин свернувшейся на плаще подруге. Блоод, стройненькая, голенькая, почти темнокожая в наступающей темноте, выглядела совсем юной. Набраться смелости и спросить, сколько же ей в самом деле лет, Катрин никак не решалась.

– Не нужно, – ланон-ши потянулась. – Рано. Фаршируют. Возьмется.

– Ты их слышишь? – без особого удивления спросила Катрин.

– Почти. Чувствую. Много. – Блоод вытянула острый палец к кустам на противоположном берегу ручья. – Там смотрит.

– Кто? – Катрин машинально кинула взгляд на лежащую под разбросанными вещами глефу.

– Маленький. Местный. Рыбу любит. Неважно. Не стыдно.

– Да уж. Скромные мы с тобой, прямо аж жуть.

– Катрин, могу я спросить, сказать?

Ого, как официально. Блоод очень редко называла подругу по имени.

Катрин натянула рубашку и села рядом:

– Давай, говори-спрашивай.

Блоод опустила голову. Нечто небывалое. Сомнение? Или

даже смущение?

– Когда тебе хорошо. Очень. Ты говоришь. Кричишь – Фло. Кто это? Муж? Любовник? Бог?

Катрин крепко зажмурилась:

– Опять, значит? Часто... кричу?

– Через раз. Когда тебе глубоко хорошо. Кричишь, – суккуб шептала едва слышно.

– Моя подруга. Мой друг. Очень давно и очень далеко отсюда.

– Женщина? Не мужчина? С ней было. Даже лучше?

Катрин обняла узкие плечи, уткнулась лицом в буйную тьму черных кудрей ланон-ши:

– Прости. Я думала, что забыла ее. А когда вспоминаю, хочется плакать. И обнять. А удовольствие только потом. Потом-потом-потом. Я хотела бы ее видеть, быть рядом, пусть без всякой постели. Просто убедиться, что она жива, здорова, счастлива. Понимаешь, Фло меня спасла, а я бросила ее. Нет, не бросила. Оставила. Ничего иного нельзя было придумать. Если бы я осталась, ей могли что-то дурное сделать. Могли убить. Собственно, мне бы тоже голову живо открыли. Вот я ее и бросила.

– Бросить? Ты? Смешно. Выдумываешь. Я тоже. Выдумывала. Что тебе нужен мужчина.

Катрин фыркнула:

– Вполне могу обойтись. Честно говоря, я о них не часто вспоминаю.

– А я вспоминаю. Плохо. Слабая. – Блоод осторожно промокнула концом повязки повлажневшие глаза подруги. – Вспоминаю, пользуюсь. Я – дрянь.

– Поздновато ты раскаиваешься. По-моему, ты пользуешься мужчинами всю жизнь. Такой тебя создали боги. И мама с папой.

– Как делали, не помню. И их не помню. Не то. Еда-удовольствие. Удовольствие-еда. Привычно. А если не так?

– А как? Что ты меня путаешь? Что случилось?

– Я была. С твоим мальчиком. С Энгусом.

– Ну, он вовсе не мой мальчик, – автоматически поправила ее Катрин и изумилась: – Когда же ты успела?! Мы же с тобой спим. В кустах, что ли, столкнулись?

– Что я, кролик, в кустах? – обиделась суккуб. – Не сейчас. В городе. Тебя не было.

– А Даллап? С ним...

– Даллап? На фиг нам Даллап? – Блоод, перенявшая отдельные особо интеллектуальные выражения подруги, даже отодвинулась. – Им жена питается.

– А на фиг тебе Энгус? Он же маленький, и вообще. В Тинтатдже полно полнокровных аппетитных мужчин.

– Да. – Суккуб в явном затруднении потупилась. – Не пища. Не удовольствие. Он... Мы говорили. Немного. Потом еще. Говорили. Он не как все. Не жаждал. Не напрягался. Только разговоры. Вот потом...

Катрин не верила своим ушам:

– Энгус тебя совратил? Я сейчас в обморок брякнусь.

– Он не как все. Я не хотела. С твоим другом. Только капельку, – жалобно прошептала Блоод.

Катрин смотрела на нее во все глаза. Такой виноватой она подругу еще не видела.

– Знаешь, похоже, «мой друг» не слишком пострадал. Румяный и жрет вполне исправно. Смотрит на тебя, правда, странновато, но я-то думала – просто побаивается такой хищницы.

– Не побаивается. Ты и он. Единственные, кто. Не боится.

– Даллап и Ингерн тоже от страха не трясутся.

– Трясутся. Немного. Скрывают. Тебя боятся больше, чем меня.

– О, боги. Это еще почему?

– Боятся. Ты прибьешь Энгуса.

– Из ревности, что ли? Бло, ты играешь с уймой мужчин.

Насколько я понимаю, без этого ты обойтись просто не можешь.

– Мама с папой, – обреченно кивнула суккуб.

– Ну да, дурная наследственность. Почему ты считаешь, что я должна свернуть шею Энгусу, которому посчастливилось попасть в твой, надо думать, отнюдь не короткий список?

– Я с ним разговаривала.

– Ну и что? Ты сейчас со многими людьми дружишь, а нам, человекам, свойственно болтать без умолку. Тебе при-

дется поддерживать разговор хотя бы из вежливости.

– А ты? Мы... – Глаза Блоод жалобно светились сквозь шелк.

– Общение с Энгусом дурно на тебя влияет. Начинаешь мямлить. Мне безумно нравится с тобой безобразничать. И я не собираюсь уступать такое наслаждение какому-то там обладателю... Собственно, это навесное оборудование – вещь вполне полезная в хозяйстве, и должное применение ему вполне можно найти. Дело простительное. Но пока я хочу делить с тобой постель. Если влюбишься и решишь выйти замуж, ты ведь мне скажешь?

– Я – замуж?! Так бывает? Я – ланон-ши.

– Кто спорит. Еще ты дура. Хотя знаешь об интимных отношениях людей в миллион раз больше меня. Вот и расскажешь на досуге, а пока пойдем ужинать.

– Да. Миллион. Это сколько?

Катрин было очень грустно. И не только потому, что предстояло объяснять семизначные цифры.

* * *

Утро выдалось туманным и зябким. Катрин покачивалась в седле, думала о том, что меховой воротничок у куртки можно было сделать и пошире, а еще, почему она такая идиотка. Не куртка, конечно, а хозяйка. Обидно ничего не понимать в людях. Блоод ехала рядом. Молчала, как всегда.

Или не как всегда? Изменилось со вчерашнего вечера что-нибудь, кроме погоды?

Ничего умного Катрин не придумала. Видать, не дано шпионкам решать заумные морально-психологические ребусы. Тем более когда все время отвлекаешься.

Почти весь день отряд преследовала небывало крупная сова. Здоровенная птица, да еще днем, – удивительно. Естественно, возникла дискуссия о сверхъестественной природе пернатого наблюдателя. Даллап считал, что появление совы сулит неприятность, Ингерн настаивала на знамении теплой осени и хорошего урожая. Энгус беспокоился о лошадях, так как слышал, что совы и филины предвещают болезни и падеж скота. Суккуб ничего не думала, так как в городе таких огромных птиц вообще никогда не видела. Собственно, таких пташек-переростков никто не видел. Сова непринужденно присаживалась на ветки сосен, прислушивалась к спору. Размером пернатое чудище было едва ли не с грифа. Катрин высказала гипотезу о зоне повышенной радиации и зловредных мутациях. Диспут перекинулся на свежую тему загаженных магией урочищ, что и обмусоливалась до самого обеда.

Обедали у самой дороги. Здесь заброшенная тропа была зажата между скалами, заросшими кривыми соснами и можжевельником. На северо-западе высились горы – уже можно было разглядеть отдельные заснеженные вершины. Судя по карте, путники приближались к цели своего похода.

Медвежья долина открылась уже в сумерках. Лес как-то сразу кончился. Слева продолжалась череда густо заросших холмов, дальше были горы. Тянуло свежестью с близкой реки. Катрин тупо разглядывала сумеречный простор. Вся эта земля, холмы, река, лес и весь этот летний прохладный вечер принадлежали ей. По крайней мере, теоретически. Ингерн и Энгус клялись, что видят замок. Вероятно, им только показалось, так как Блоод, имеющая куда более острое ночное зрение, молчала. А может быть, ланон-ши молчала по другой причине.

Костер на всякий случай развели под прикрытием деревьев. Сова с наступлением темноты исчезла. Но все равно путникам было как-то не по себе. Со стороны долины долетали порывы легкого ветерка. Катрин машинально принюхивалась. Глупо, все равно, кроме аромата поджаренной на костре колбасы, ничего ведь не учуешь. Да и вряд ли обонятельным путем удастся узнать больше, чем сообщил лорд Фиш.

У Катрин была вторая стража, но спать девушка ложиться не стала. Требовалось спокойно поразмыслить. В сторону свернувшейся под плащом Блоод смотреть не было причин. И надо прекращать коситься на пришибленного Энгуса, на опасающихся прямо взглянуть в глаза командирше Ингерн и Даллапа. Потом в личных отношениях разберемся. Сейчас на повестке дня вопрос имущественный...

Замок «Две лапы» был оставлен людьми около тридцати лет тому назад. Что тогда приключилось на самой западной окраине земель Ворона, так и не удалось выяснить. Тогда из Медвежьей долины спаслось всего несколько человек. Их путанные, полные ужаса рассказы дошли до Тинтаджа в настолько искаженном и недостоверном виде, что официальные документы те свидетельства цитировать не рискнули. Король Рутр VIII собрал следственно-карательную экспедицию. Вероятно, Его Королевское Величество посчитал, что дело достаточно серьезно, так как кроме сотни солдат в состав отряда было включено две дюжины «серых». Но обстановка на юге внезапно обострилась. Пришлось усиливать войска, прикрывающие Ивовую долину. В общем, поход в Медвежью долину был отложен на неопределенное время. Судьба жителей двух деревень, большинства обитателей замка и самого лорда «Двух лап» так и осталась неизвестной.

Лорд Фиш писал, что причиной событий тридцатилетней давности скорее всего послужило «нечеловеческое зломыслие и вредоносная магия». Добравшиеся до населенных мест беженцы из «Двух лап» не имели на себе резаных и колотых ран, ожогов и прочих следов межчеловеческих разборок. Правда, беженцев было мало, и вполне логично предположить, что раненые попросту не смогли добраться до населенных мест.

В конце послания королевский шпион писал, что сейчас у

Короны просто нет человека, способного разобраться в проблемах, столь тесно связанных с происками диких дарков, лучше, чем сама многоуважаемая леди Катрин. «Серые» ныне не те, что раньше, обленились и разучились думать. А у юной леди имеется надежная союзница. Еще лорд Фиш желал здоровья и удачи. Надо думать, искренне желал.

Катрин сменила у костра отправившегося спать Даллапа. Ветер с долины незаметно угас. Катрин плеснула в глиняную кружку пива. Интересно, сколько еще бочонков припрятано на телегах? При свете изменчивого пламени разглядывать карту было сложно, но шпионка и так уже знала ее почти наизусть. По крайней мере, ту часть, где непосредственно располагались ее «ленные владения». Но лишний раз взглянуть не помешает...

– Далеко?

Катрин подпрыгнула, стиснула древко глефы. Зачиталась, интеллектуалка чертова.

За спиной стояла Блоод:

– Напугала? Могу сесть?

– Что за вопросы? Ходишь как тень, а церемонии разводишь. Мы не в королевском замке, тут и рубануть с перепугу могу, – пробурчала устыдившаяся Катрин.

– В замке ты спала со мной.

– И что? Мне сейчас нужно подумать.

– Раньше я не мешала.

– Да уж, думать, лежа с тобой, одно удовольствие. Одна

мысля, и та кроличья.

– Больше не хочешь? Ее думать?

Катрин смотрела в огонь. Не глядя, нашарила кружку с пивом, глотнула:

– Бло, я не знаю.

Потрескивал огонь. В ветвях на опушке что-то шуршало.

– Хочешь, я его убью? – прошептала суккуб.

– Ты что, идиотка?! Не говори глупостей. Парень ни в чем не виноват. Он вообще вполне нормальный, правильный молодой человек.

– Ему будет хорошо. Приятно. Зачем ему смотреть на меня? Пусть исчезнет. Лучше для всех.

– Несправедливо. Он нам не враг. Тьфу, да он вообще мой друг.

– Он дурачок. Он... Кэт, не бросай меня.

Катрин посмотрела в огромные янтарные глаза.

– Да кто тебя бросает? Что-то вы все разом поглупели. И я тоже.

Блоод осторожно взяла подругу за руку. Выглядела ланон-ши глубоко несчастной. Кто бы сейчас поверил, что эта девчонка пережила как минимум пятерых властелинов Тинтаджа?

Катрин обняла подругу:

– Все забыто. Трахайся с кем хочешь, только будь любезна, предупреждай. Дисциплина должна быть. Сюрпризов нам и так хватает. Развлекайся с умом. Кстати, неплохо было

бы и меня не обделять.

– Ты не пища. Ты удовольствие. Чистое... – шептала Блод в самое ухо. Когтистая ладошка скользнула по бедру, и Катрин мгновенно обдало горячей дрожью.

– Перестань, циничное создание. Я на посту. Иди спать, я приду.

– Поста не надо. Я услышу...

Утром Катрин чуть рот не порвала, зевая. Когда здесь выспишься? Разве что в какую-нибудь темницу запихнут дней на пять.

* * *

Замок высился на крутом зеленом холме. Южный и юго-восточный склоны почти отвесно обрывались прямо на узкий песчано-галечный пляж. Там ширина русла реки не превышала пятидесяти шагов. Зато, огибая холм, река мелела и широко разливалась, образуя удобный брод. В оборонительном плане явная слабость, но пока о защите «фамильного гнезда» думать было рановато.

А сам замок был вполне ничего себе. Стены из темно-серого камня выглядели грозно. Массивный донжон издали казался приземистым, но наверняка с него видна большая часть долины. На флагштоке Катрин разглядела слабо колышущиеся на ветру лохмотья. Судя по виду знамени, власть в

«Двух лапах» захватили кухарки или уборщицы. Стяг – вылитая половая тряпка.

– Лошадей оставим здесь. Старшая – Ингерн.

– Я...

– Молчи, женщина, а то Белесую старшей оставлю. – Катрин была настроена решительно...

Личный состав в молчании вооружился, и Катрин первая вступила в воду. Идти по песчано-галечному дну было не слишком-то удобно. Хорошо еще течение слабое и глубина по колено. Легкая кольчуга удобно облежала тело, кольчатый капюшон шпионка пока оставила за плечами. Тщательно отточенная глефа, кукри в ножнах на спине, перчатки с защитными бляшками – Катрин чувствовала себя полностью готовой к бою.

Дорога, поднимающаяся к воротам, густо заросла и почти не угадывалась. Трава достигала пояса, норовила засыпать в голенища колких семян. Иногда Катрин казалось, что она видит едва заметную тропинку. Нет, люди здесь не ходили, разве что кто-то четвероногий шнырял. Меткой стрелы со стен едва ли стоило опасаться. Замок был явно заброшен.

Катрин задрала голову, посмотрела на стены. Пожалованная Короной цитадель не отличалась гигантскими размерами, но выглядела настоящей твердыней. Пожалуй, за такими толстыми стенами какое-то время можно отсиживаться и под огнем артиллерии.

Створки дубовых, окованных железом ворот «Двух лап» вросли в землю. Но левая половина была оставлена приоткрытой, и ничто не мешало войти и осмотреть новоприобретенную недвижимость.

Даллап откашлялся:

– Входим?

С круглым щитом, в полных солдатских доспехах, ветеран выглядел весьма солидно. Настоящий вояка.

Катрин кивнула:

– Ты первый. Энгус слева, я справа. Если что, сразу отходим. Блоод, не вздумай лезть вперед.

Даллап протиснулся в узковатую щель, Катрин последовала за его широкой спиной. Мощеный двор был пуст, между камней забавными пучками проросла трава. Пахло нагретыми камнями, где-то на башне щебетали птицы. Мило. Нетронутый памятник древней архитектуры.

Катрин немедленно и совершенно необъяснимо захотелось выскочить обратно. Но в щель уже лез Энгус со своим топором. За ним проскользнула Блоод.

Даллап неуверенно протопал несколько шагов. Со своим щитом и копьем посреди солнечного заброшенного двора ветеран выглядел нелепо как проспавший битву гном. Катрин глубоко вздохнула, двинулась следом. Вся уверенность куда-то улетучилась. Мирный пустынный замковый двор внушал совершенно необъяснимый страх. Катрин ста-

ралась разозлиться на себя, но испытанный способ сейчас что-то не очень помогал. Девушка сдвинулась вправо, заняла предписанную ей же самой позицию. Все были на месте. Энгус вцепился в оружие так, что костяшки пальцев побелели. У Блоод, кажется, спина одеревенела...

...Под подошвой хрустнула щепка. Кажется, остаток древка стрелы...

...Птичий щебет звучал отвратительным металлическим треньканьем...

Даллап обернулся, открыл рот, чтобы что-то сказать, и тут накатило...

У горла вырос ледяной душный ком, ухнул вниз, и через мгновение все, от гланд до промежности, переполнилось отвратительным холодным студнем. Катрин чувствовала, как скручивается в бледную спираль пищевод, как болтается сморщенный мешочек желудка. Почки и угловатый сгусток печени окаменели в мерзлой тесноте...

...Глаза Даллапа выпучились и превратились величиной и цветом в несвежие вареные яйца. Рот ветерана растворился и выдал просто-таки чудовищную струю рвоты. Густая масса щедро окропила сапоги Катрин. Но осознать этот неприятный факт девушка не успела, потому что ветеран ринулся прямо на нее. Катрин неосознанно уклонилась от острия копья. Впрочем, ветеран тут же выронил бесполезное оружие, слепо пронесся к воротам, по пути сбив с ног совершенно растерявшуюся Блоод. На бегу ветерана снова вырвало. Кро-

ме топота сапог, это был единственный звук, раздавшийся в звенящей тишине. Почти тут же звук повторился ниже тоном, – вывернуло Энгуса. Парень пытался зажать рот, не выпуская из рук топора, и брызги веером разлетелись во все стороны. Пьяно покачиваясь, Энгус кинулся следом за старшим товарищем...

...Этого Катрин не видела. Ее согнуло пополам, колени ударились о камень. Первый позыв отозвался лишь острой болью в пищеводе. Потом Катрин полностью отдала камням недавний завтрак. Приступ длился так долго, что хотелось умереть раз двадцать. Измученный желудок вибрировал у самого горла. Наконец внутри осталась лишь пустота. Шпионка кашляла желчью, из глаз текли слезы. Легче не стало, но Катрин обрела возможность поднять голову. Двор был все так же пуст, только сзади лежала свернувшаяся клубком и неподвижная Блоод.

Волоча за собой глефу, Катрин поползла к подруге. Кашель все еще заставлял содрогаться, больно было ужасно, трясущиеся пальцы никак не могли утереть густые сопли и слюни. Катрин склонилась над подругой – слава богам, ланон-ши была жива. Повязка съехала, изумленные янтарные глаза смотрели в никуда. Маленький рот слабо кехал, вылевывал сгустки розовой слизи.

Катрин ухватила суккуба за ворот заплеванной рубахи, попробовала усадить. Все силы остались на камнях вместе с потерянным завтраком.

– Что? Со мной? – прошептала Блоод, пуская розовые пузыри.

– Блюешь, – прохрипела Катрин.

– Но я никогда... – умирающе пролепетала суккуб.

«Когда-нибудь нужно начинать», – подумала Катрин, но иронизировать не хотелось. У самой было четкое ощущение, что ТАК ее никогда не тошнило.

Волочить Блоод, глефу и саму себя, ослабевшую, бестолковую, было сложно. Суккуб решила, что уже померла, и помогать не желала. Глаза шпионки ничего не видели от слез, организм судорожно дергался, пытаясь выдавить из себя еще что-нибудь лишнее. Катрин на ощупь доволокла одушевленное и неодушевленное имущество до ворот и споткнулась о брошенный Даллапом щит. От удара макушкой о створку ворот даже тошнота прошла. Катрин почувствовала, что, кроме на миг отступившей тошноты, ее мучает спазматический, на грани полной потери самоконтроля, ужас. Блоод безвольно осела на камни и была похожа на пугало в красивом парике.

Катрин утвердилась на четвереньках. Собраться с мыслями никак не удавалось. Очень хотелось блевать, блевать и блевать. Вот только нечем уже...

Глаза наконец сфокусировались, и девушка поняла, что ее саму пытаются поднять на ноги. Энгус... Поскольку другой рукой парень тянул Блоод и при этом сам шатался, толку от такой помощи было маловато.

– Бери ее за другую руку, – пробормотала Катрин, опираясь на глефу и поднимаясь на ноги. С такой высоты мир оказался пугающе просторным.

Энгус хотя и вернулся к девушкам, но полностью в себя явно не пришел. Вдвоем ухватились за одну и ту же руку Блоод, потянули. Столь хитроумный маневр едва не шмякнул суккуба о стену. Кажется, это удивило Блоод, и она наконец подала признаки жизни:

– Я сама...

– Бери ее, Энгус. Правильно бери... – простонала Катрин. Парень ответил невразумительным звуком.

Вдвоем подхватили Блоод под руки, преодолели ворота. Ноги у всех троих заплетались, поэтому спуск к реке приобрел просто устрашающую скорость. На середине склона Энгус оступился и подсек ногу суккуба. Блоод по-мышинному пискнула. Все трое покатались кубарем по травянистому склону. Катрин едва успела откинуть в сторону глефу...

...Когда кульбиты завершились, рот Катрин был полон семян лебеды. Саднило подбородок, левое колено болело, но переломов, кажется, не было. И почти не тошнило. Отплевавшись от колких пыльных семян, шпионка в сотый раз за это удачное утро поднялась на ноги. Идти вверх ноги не желали. Кое-как ковыляя по пробитой среди травы и кустов «просеке», Катрин сначала набрела на свою глефу, потом обнаружила спутников.

Аэродинамические качества суккуба и Энгуса, вероятно,

были чуть ниже. По крайней мере, полет их прошел несколько скромнее. Блоод, поскуливая, лежала на спине парня. Из ее рта толчками выкатывались розовые пузыри. Спина Энгуса была уже порядком разукрашена. Парень лежал неподвижно, сначала показалось, что он без чувств. Нет, заскреб, смял побитыми пальцами стебли лебеды.

Катрин стянула подругу со спины друга, вытерла грязной косынкой рот суккуба. Поправляя на полуослепших глазах подруги защитную повязку, прохрипела:

– Энгус, ты в принципе цел?

Парень сел и принялся протирать глаза. Потом нашарил торчащий за поясом топор.

– Ты цел, спрашиваю?

Энгус посмотрел на девушку и выдал какой-то писклявый звук. Показал на рот.

Язык прикусил, что ли?

– Если можешь двигаться, пошли, – Катрин поставила на ноги Блоод. К счастью, суккуб уже могла самостоятельно удерживать вертикальное положение.

Остатки разгромленного отряда поплелись вниз.

...Даллап стоял на коленях прямо в реке. Его продолжало с жуткой регулярностью выворачивать. Хриплые скрежещущие звуки далеко разносились над неторопливо движущейся водой. Вокруг мужа хлопотала бледная как мел Ингерн.

– Да, что же с ним такое?! – Ингерн с ужасом посмотрела

на растрепанную вонючую троицу. — Что с вами со всеми такое?!

Транспортировка грузного Даллапа на другой берег вконец обессилила всех. Ветеран ни на что не реагировал, продолжая попытки выплюнуть свой желудок. Остальные попадали на берегу...

...Катрин оторвала щеку от уютной теплой гальки. Блоод и Энгус лежали пластом. Ингерн всхлипывала возле мужа. Даллап издавать пугающе квакающие звуки наконец прекратил, но и глаза открывать не спешил.

Катрин на подгибающихся ногах вошла в реку, плюхнулась в воду пластом. Кольчуга тянула ко дну, речная чистота омывала спину, но леди-землевладелица не обольщалась — отмыться удастся не скоро...

Результаты разведрейда в замок были неутешительны. Что, собственно, произошло, так никто и не понял. Кроме синяков и ссадин обнаружились более серьезные последствия. Даллап лишился всего своего оружия, кроме меча. Суккуб потеряла стилет. Но это было не главное. Мужчины онемели. Оба не могли издать ничего, кроме жалобного щенячьего скулежа. У Катрин и у самой язык ворочался как свинцовый, но это можно было списать на последствия рвоты и мощного лобового столкновения с неуступчивыми воротами.

Ничего страшного. Катрин была настроена самокритично. Главное, все в своем уме и соображают. А сказать что-то умное все равно никто не в состоянии. Лучше уж помолчать. Бездоказательные домыслы о «зачарованном пороге и ямах с колдовской горячкой» способна в избытке излагать и одна Ингерн. Возможно, что-нибудь полезное могла предложить Блоод, но ланон-ши все еще пребывала в шоке. М-да, для некоторых первая рвота сравнима с дефлорацией.

Личный состав собрался у костра. Все, кроме Ингерн, сидели полуголые, но сейчас даже на соблазнительные бедра суккуба никто не реагировал. На том берегу жизнерадостно зеленел холм, насмешливо шурились узкие бойницы замковых башен. Катрин прервала трагическое, частично вынужденное молчание:

– Пожалуй, я схожу еще разок.

– Как? Сейчас? – пролепетала Ингерн.

– Да какой смысл ждать? Уж лучше до обеда пойду, – сухо пояснила Катрин.

Зашевелились остальные. Даллап убедительно махал в сторону леса, намекая на тактическую паузу, разумную перегруппировку сил, а возможно, и на отход в более гостеприимные места. Энгус показывал на костер и на небо, надо думать, предлагал подождать вечера.

– Я с тобой, – пискнула Блоод.

– Я тоже, – мужественно выдавила из себя Ингерн и в ужа-

се зажмурилась. Муж тут же ухватил ее за руку и ожесточенно зажестикублировал.

– Собственно, поблеть я могу и в одиночестве, – сказала Катрин. – По крайней мере, стесняться не буду. А вы лучше стиркой займитесь. Вернусь, придется нам в листья заворачиваться...

Глава 3

Ровное дно начало повышаться, и Катрин остановилась, дабы в последний раз прополоскать рот. Вкус дурно воспитанной кошачьей стаи на языке держался крепко. Главное, чтобы не пришлось его освежить. В воде мелькнула вытянутая темная тень, должно быть, небольшой «клыкастый»⁴. И что на мелководье потерял? Катрин покачала головой. Вот так и проходит жизнь. Никакого культурно-спортивного досуга. Сверточек с блеснами и крючками так в мешке и валяется.

Подошвы заскрипели по гальке. Шпионка обернулась. На том берегу торчали три фигуры. Болельщики. Обиды на то, что никто не навязался в спутники, Катрин не чувствовала. Сама так хотела. Некоторые проблемы лучше решать в одиночку.

Тропинка, теперь довольно заметная, вела вверх. Знакомая тропа, чего уж говорить. Еще пару раз туда-сюда прогуляться, и склон приобретет вполне обжитой вид. В отличие от замка. Нет, особого страха несостоявшаяся землевладелица не чувствовала. В конце концов, от дурной рвоты никто не умер, глаза не повыскакивали, да и легкие никто не

⁴ Клыкастый – судак.

выхаркал. Значит, не иприт, и не зарин⁵. Уже легче. А что касается немоты... некоторым только на пользу пойдет. Будем наконец язык за зубами держать.

Шутки шутками, а на полпути к воротам Катрин повязала нижнюю часть лица косынкой. Ткань еще была влажной, но все равно пахивала. Не отстиралась. А милая вещица была густо-синяя, как небо сегодняшнее. В Тинтадже пришлось «корону» и два «щитка» выложить. Тьфу, одно разорение и расстройство.

По кустам прыгали мелкие птахи, похожие на воробьев, чирикали-насмешничали. Катрин подобрала с тропинки стилет. Зачем Блоод вообще острую сталь таскает? Ланон-ши сама по себе оружие куда как изящное и совершенное. Правда, не здесь.

Вот и настил моста. Катрин осторожно положила стилет на растрескавшиеся от времени бревна и подошла к воротам. Здесь валялся щит Даллапа. Да, славная попытка штурма получилась – оружия оставили больше, чем унесли обратно.

Катрин заглянула во двор. Ничего не изменилось: все так же грело старые камни солнце и перекликались птицы меж зубцов донжона. Только теперь двор украшало добротное копые ветерана королевских походов, да на камнях в изобилии подсыхали остатки полупереваренного завтрака агрессоров.

Шпионка поморщилась. Одолевали нехорошие предчув-

⁵ **Иприт, зарин** – боевые отравляющие вещества. Использовались в войнах XX века.

ствия. Посмотрела назад – внизу, на том берегу торчали едва различимые фигурки. Кажется, четверо, надо думать, и Даллап очухался, на ноги встал.

Ну, чего тянуть?

Катрин поправила «респиратор» и бочком скользнула внутрь.

Она уже прошла лужи и копые, когда накатило. Сначала заслезились глаза. Катрин упорно шагала вперед. Первый приступ тошноты удалось преодолеть на удивление легко. Пустой желудок позывы игнорировал. Потом стало хуже. Пришлось приподнять косынку и сплевывать под ноги густую горечь. Стало совсем худо. Так худо, что Катрин почти не обращала внимания на накатывающие одна за другой волны страха. Страх был такой же дурной и необъяснимый, как и тошнота. В ушах звенело, в голову рвался чей-то угрожающий невнятный голос. Кто-то рычал, скулил, фыркал. Но все это терялось в сравнении с дергающимся у горла клубком желчи. Желудок вновь выворачивался, раздирался на лоскуты. Катрин отдаленно слышала собственные кашляющие звуки. «Кашлять» было нечем, горечь желчи мешалась с солью. По щекам сплошным потоком текли слезы.

«Да что же это? Вдруг навсегда такой останусь?» – крутилась в голове одна и та же мысль.

В смертной тоске Катрин простерла руки и побрела в сторону, где пелена была темнее. Ладонь больно ткнулась в ока-

завшуюся странно близко стену. Катрин захныкала – чуть не сломала пальцы, спасибо перчаткам. Перебирая руками по шершавому камню, девушка побрела вдоль строения. Путь казался бесконечным. Катрин подвернула ногу, на что-то наступив. В очередном, особенно судорожном позыве приложилась лбом о стену. От болезненного соприкосновения в голове слегка прояснилось. Черт, как полезно мозги встряхивать. Катрин снова споткнулась, рухнула на колени, ноя от боли, поползла дальше. Нет, куда тащишься? Это же ступеньки. С невероятным трудом догадалась, что нужно подняться выше...

Под руками доски, вот кованая замысловатая ручка. Катрин пнула преграду. Когда дверь с визгливым скрипом поддалась, удивляться не оставалось никаких сил...

Катрин сидела на полу. Дурнота никуда не делась, но в полутьме было почему-то легче. Шпионка уперлась сапогом, закрыла массивную дверь. Узкие солнечные лучи тонко расцветили голенище. Стена приятно холодила спину...

«Может, я беременна? И это токсикоз?» – мелькнула тупая мысль. Катрин закаркала-засмеялась. Стянула с лица платок, повесила на ручку двери. Может, и была от «респиратора» какая-то польза, но сейчас косынка лишь помогает собственной желчью давиться.

«Если ты беременна, то Даллап сейчас рожает. Двойню. Вставай, юмористка».

Катрин вытерла рот, заклепки перчатки царапнули губы. Наплевать, вид все равно не «товарный». Шпионка вытащила из-за плеча кукри. До сих пор об оружии как-то слабо думалось. Опасаться, что тебе вспорют живот, когда кишки со всем содержимым и так настойчиво пытаются выпрыгнуть, глупо.

Цепляясь за стену, девушка поднялась. Хорошо, что пошла налегке, глефа и кольчуга остались в лагере. А то так бы и сидела под стеночкой без всяких сил.

Только сейчас о своей легкости не пожалей.

Катрин чувствовала, что в замке кто-то есть. Слишком тихо, даже мыши не скребутся.

Ничего-то леди не чувствует. Если и имелись какие-то недоразвитые паранормальные способности, прекрасная леди их давно вытошнила...

Маленькая комнатка привела в другую, побольше. Двери распахнуты, сквозь крошечные окна-бойницы врывалось безжалостное сияние солнечных лучей, клубится потревоженная гостьей древняя пыль. Со стен свисали клочья и целые заросли паутины...

Катрин вышла в зал. Крепкие столы, лавки, широченный темный зев камина. Трапезная, конечно, поменьше, чем в королевском замке, но человек пятьдесят в лучшие времена здесь усаживались за стол. В принципе большой гарнизон

для защиты «Двух лап» и не нужен. Вот только пивом и похлебкой здесь уже и не пахнет. Пыли столько, что ее ковер глушит шаги. Стол и посуда словно покрыты серым шерстяным снегом. Под ногой хрустнуло, то ли черепки, то ли кости. Девушка обошла что-то неопределенное, плоско оплывшее на полу. Черепка вроде нет. Может, под стол закатился? Или просто тряпье?

Катрин поднялась на несколько ступенек. Двухстворчатые двери и здесь были распахнуты, одна половинка покосилась. Валялись какие-то дрова, в которых Катрин с трудом опознала примитивные алебарды и еще что-то древковое. Должно быть, стойка с оружием рухнула. Да, лет через триста «Две лапы» станут истинной сокровищницей древнего оружия. Не хотелось бы, чтобы кукри дополнил ту коллекцию.

Перекресток лестниц. Пожалуйте вниз, вверх, можно и прямо. Нет, в подземелья пока рановато. Знаем мы эти подвалы зловещие. Прямо – дверь резная, красивая, это даже под пылью видно. А наверху, наверное, светлее будет.

Катрин склонилась, пытаясь рассмотреть на ступенях следы. Хрен тут чего разглядишь. Нужно было свечу прихватить. У Ингерн на телеге хранится запас лет на десять. Точно, свечечку взять и мишень себе на попе нарисовать. Чтобы тот, кто в этой тошниловке обитает, не промахнулся.

За резной дверью раздался слабый звук. Катрин вздрогнула, глупо присела.

У кого-то в этом доме была свечка. Или даже светиль-

ник...

Из-за двери сочился слабый свет. Неприятно голубоватый. Могильный. Нет, чушь какая-то. Могильные, бродячие и прочие эльмовы⁶ огни вполне себе беззвучно зажигаются.

Угу, может, это мертвец зевнул? По костяному звуку очень похоже.

Накатил страх, да такой, что свело в низу живота. Просто счастье, что шпионский организм совершенно опустел, а то бы опозорилась. Тошнило и крутило так, что шпионка едва не замычала.

Вперед. Мертвецы не мертвецы, соберемся с силами – всех облюем. Катрин с ненавистью ударила в дверь и ввалилась внутрь. Тошноту как рукой сняло...

Обомлев от счастья, девушка остановилась. Никто не прыгнул, не потянулся заключать в объятия хрусткими, лишенными плоти руками.

Посреди небольшого зала, на сундуке, дрожало пламя крошечного светильника, побеспокоенного грубым вторжением. А дальше, на кресле-троне, кто-то сидел. Катрин щурилась, стараясь разглядеть, но голубоватый огонек слепил, не позволял.

– Кто ты и зачем явился? – проскрипел холодный, странно неровный голос.

⁶ **Огни святого Эльма** – электрические разряды в атмосфере, возникающие на концах высоких предметов (башен, мачт и т. д.). В Средние века часто наблюдались на башнях церкви Святого Эльма, откуда и название.

Ага, в какой-то сказке это уже было.

– Положено спрашивать: кто ты есть, добрый молодец аль красна девица? – пробормотала Катрин.

– Девица? – с неприятной иронией проскрежетал голос. – Помнится, девицами величали неких юных, невинных созданий, чуждых безудержным плотским утехам и иным радостям, присущих тварям двуногим, скоту уподобившимся.

– Ну, времена изменились. Впрочем, не настаиваю. Грешна. О девице забудем. Можете называть меня просто «леди».

– Называть? Зачем? С мертвыми не разговаривают. Зачем ты шла? Умереть? Зачем вторглась в чужие владения? Кто звал в мир мрака гулящую «леди»?

Существо, настроенное столь негативно, даже сидя в кресле, было ростом с Катрин. Иные черты обитателя замка в тених голубого огонька рассмотреть было невозможно.

– Зачем же сразу умирать? Вторглась я, понимаете ли, – Катрин подумывала, к какой стене лучше отступить, – влево или вправо? – Никуда я не вторгалась. Прибыла на законных основаниях. Принять данное помещение и иные объекты недвижимости. Я – новая владелица «Двух лап».

– Владелица? Глупая девчонка! Кто может владеть местом, чуждым всему живому, местом – прибежищем сотен черных смертей, мерцающих в углах этого склепа?

– Я могу. Со смертью разногласий не имею, к альтернативным источникам света и тепла отношусь положительно. И вообще все совершенно законно. Король Земель Ворона,

с кем я в принципе дружу, решил одарить незамужнюю леди этим тихим уединенным уголком. И вы все-таки разберитесь, как меня называть. «Девница» вам не нравится, «леди» тоже не нравится. А «девчонка» – не нравится мне. Категорически!

Существо помолчало, затем проскрипело:

– Безумная! Здесь не место для живых. Здесь властвует смерть. Бегите все! Спасайтесь! Уходите навсегда!

– Куда?

– Что значит куда? – голос завибрировал-заскрежетал сильнее. – Убирайтесь туда, откуда пришли.

– Некуда нам идти.

– Найдете. Вы, люди, весьма пронырливые существа. Твои спутники ведь не рискнули вновь идти в место скорби? Или глупцы уже издали последний вздох?

– Во-первых, со мной не только люди. Во-вторых, все чувствуют себя неплохо. В некотором смысле даже лучше, чем раньше. Очистились, всем заметно полегчало...

– Лжешь! Вы все бесчестны! И то кровожадное любо-страстное существо, осмелившееся сунуть свой алчный нос в замок, заслуживает самой жуткой и мучительной из казней. Предательница рода своего. Мерзкая извращенка!

– Пасть захлопни! «Любострастница» моя подруга, и никто не смеет обливать ее дерьмом. Даже облеванная, я могу укоротить тебя на голову, тошнотворец долговязый.

– Ты заслуживаешь смерти, – со сдерживаемым торже-

ством проскрипел собеседник. – Немедленной!

Из угла слышалось короткое, басовитое как гудок паровой сирены, рычание, и на Катрин прыгнул черный зверь...

...Встретить прыжок клинком шпионка не успела. Почти увернулась, заслоняясь локтем, но толчок отбросил к стене, вышиб воздух из легких. Катрин не упала только потому, что падать было некуда. Левую кисть обожгла боль, рука оказалась в пасти чудовища. Катрин, с глухим криком боли, ударила зверя по голове. Бить было неудобно, мешала стена, развернуть кукри не удалось. Девушка колотила рукоятью меча по большой башке, удары приходились куда-то за тускло горящие глаза. От мохнатой твари пахло пыльным, чуть подгнившим чучелом. Череп чудовища под ударами издавал гулкие звуки подобно дубовой бочке. Тиски челюстей на левой руке сжимались сильнее. Катрин казалось, что она слышит треск дробящихся костей запястья. Взыв, шпионка еще раз врезала по гулкой башке литой рукоятью кукри и, подцепив сапогом задние лапы зверя, постаралась свалить монстра. Очевидно, пыльная тварь не привыкла к человеческим приемам рукопашной борьбы. С протестующим рычанием животное повалилось на пол, увлекая за собой девушку. Рука наконец выскользнула из пасти. Катрин брякнулась на колени, когтистые лапы зверя в конвульсивном движении порвали ее рубашку. Но шпионка уже вскочила на ноги и от души врезала врагу носком сапога. Зверь утробно зарычал,

пытаясь встать, когти громко скребли по камням пола. Катрин вскинула клинок, собираясь покончить с делом одним махом. Только найти цель для точного осмысленного удара в этой темной ожесточенной ворочающейся массе было нелегко...

– Нет! Не трогай его! Он стар и слаб! – Обитатель замка вскочил с кресла. – Он безопасен.

– Стой на месте, мудак брехливый! – заорала Катрин. – Ах, дьявол!

Мохнатая тварь, демонстрируя, насколько она безопасна, кляцнула зубами – девушка едва успела отдернуть ногу. Огромные челюсти метили хватануть за колено. Протезы суставов в Тинтадже, насколько шпионке было известно, делать еще не научились. Катрин с чувством ударила ногой, опрокинула вставшего живоглота обратно под стену. Кажется, у этого шерстяного создания все же была шея. Матовый клинок кукри взлетел...

– Пожалей его! Он не причинит тебе вреда, – в голосе долгового аборигена слышалось отчаяние.

– Да?! Что, ему одной моей обглоданной руки хватит? Тюфяк блохастый.

– Он тебя не тронет. Только не ругайся. Он не выносит сквернословия.

Катрин услышала совершенно непонятную фразу, обращенную к четвероногому агрессору. Судя по просительному тону, животному предлагали не жрать пришелицу. Или

жрать чуть попозже...

Тварь поднялась на ноги и, покачиваясь, побрела к хозяину. Судя по всему, скотине пришлось несладко. Катрин почувствовала некоторое удовлетворение.

– Все? Он больше не желает мною обедать?

– Он не ест людей!

– Ага, сразу видно. Игривое доброжелательное животное.

Тварь тяжело села у ног хозяина. Теперь Катрин видела, что это пес, смахивающий на гигантского, страшно заросшего и грязного ньюфаундленда. В холке песик был Катрин по грудь. Удивительно, как удалось его свалить на пол.

– Зачем вы натравили на меня собаку? Мы вроде так мило беседовали. – Катрин прижала к груди искалеченную руку. С перчатки капала кровь.

– Ты сама напросилась. Не надо было ругаться.

– Экая у вас щепетильная и чувствительная собака. А она не будет сильно переживать, что ей навешали позорных пинков?

– Это не собака. Мой друг – из рода Моде Лу⁷. И он гораздо старше, чем вы можете представить.

– Значит, мне повезло. Будь он юн и игрив, наш разговор скорее всего оборвался бы на полуслове.

– Возможно, вы правы. Мы отвыкли от бесед с людьми.

⁷ **Моде Лу** – очевидно, от искаженного моде ду (moddey dhoo). В фольклоре острова Мэн – черный спаниель, предвестник смерти. Появляется с наступлением темноты, исчезает на рассвете.

Катрин пододвинула ногой опрокинутую скамью и села, положив клинок на колени. Рука ныла и горела. Но кость, похоже, была цела.

– У вашего Моде Лу зубы не ядовитые?

– Нет. У него старые зубы. Вам нужно, – хозяин запнулся и с трудом вспомнил, – перевязаться.

– Какая правильная и своевременная мысль. Вас не затруднит, если я попрошу воды, а лучше джина, промыть царапины?

– Воды у нас нет. Джин... – высокая фигура повернулась и шаркающей походкой направилась куда-то в темноту.

Катрин смотрела на четвероногого недруга. Пес, или кто он там был в действительности, тоскливо пялился на пришелицу.

– Что, хреново? – пробормотала шпионка. – Мне тоже. И стоило начинать?

Глаза собакообразного Моде Лу вообще не мигали: тускло-желтые, как дешевые фонарики с подсевшими батарейками. Невеселое животное. Впрочем, удары по ребрам кому угодно испортят настроение.

Катрин рискнула снять руку с рукояти кукри. Стянула с раненой кисти перчатку. В нескольких местах ладонь была прокушена, но в целом ужасаться нечему. Крови, правда, натекло порядочно.

– Эй, ты, случайно, не вампир? – спросила Катрин, лизнув липкое запястье. – Нет? Ну и зря...

Пес с презрительной и понимающей гримасой дернул слюнявой губой.

– Ладно, о вкусах не спорят, – примирительно пробурчала гостья. – Куда пропал твой хозяин?

Пес снова поморщился.

– Я ему не хозяин, – выговорил появившийся из темноты обитатель замка. – Моде Лу достаточно повидал в этом мерзком мире, чтобы самому распоряжаться своей судьбой. Возьмите... – он поставил на сундук рядом со светильником кувшин, кружку и положил сверток материи. Катрин на мгновение разглядела лицо старика: густую сеть сухих глубоких морщин, безгубый рот, провалы глаз... У Катрин похолодело внутри. Кадавр музейный. Не человек.

Обитатель замка отступил к креслу. Каждое движение длинной сухой фигуры сопровождалось шорохом и странным похрустыванием. Казалось, из древнего старика действительно песок сыпется.

Катрин подумала, что понятия не имеет, что должно сыпаться из нечеловека.

– Благодарю, вы очень любезны. Но кружка не нужна.

– Вы, люди, всегда пьете дурман.

– Ну, лично мы стараемся пить в меру, – оправдалась Катрин и взяла кувшин. Сверток ткани напоминал пергамент. Таким только мумию бинтовать.

Девушка плюхнулась на скамью, выдернула из брюк подол рубахи и оторвала полосу.

– Простите, милорд. Я веду себя неприлично, но ваша ткань для перевязки не подходит.

Катрин сковырнула лезвием пыльную печать с кувшина. В носшибанул запах спирта. Шпионка щедро плеснула на ранку, зашипела...

– Возможно, я должен поблагодарить вас, леди, – прервал молчание таинственный обитатель «Двух лап». – Вы сохранили жизнь моему другу. Он слишком стар, чтобы оценить подобную мелочь, но мне было бы тяжело остаться в полном одиночестве. Благодарю вас, леди.

– Ну, мы все должны ценить старых друзей. Они редкость. Реликт, можно сказать. Кстати, меня зовут Катрин. Раз уж мы с вами перешли к мирной беседе, могу ли я узнать ваше имя?

– Мое имя забыто. Но мой род кое-где еще помнят. Зовите меня – Фир Болг. Не слышали о нас? Когда-то не было человека, не ужаснувшегося боевого знамени воинства Заката. Те времена миновали, да и грусть воспоминаний давно утихла, рассыпавшись в бесчисленных вереницах лет. Одиночество – вот моя участь. Но Фир Болг не вправе жаловаться на непомерно затянувшуюся жизнь.

– Собственно, жалобы не делают чести никому. Даже таким молодым дурам, как я. У меня болит рука, у вашего друга ребра. Похоже, и вам, милорд, не доставило удовольствия наблюдать нашу безобразную дискуссию. Увы, я необразованна, к тому же уроженка тех далеких мест, где о Фир Болг

почти ничего не знают. Но может быть, вы отнесетесь снисходительно к невежеству гостыи и вступите в переговоры?

– Переговоры? – в темноте Катрин разглядеть не могла, но кажется, житель замка удивился. – Какое забытое понятие...

* * *

Слава богам, не тошнило. Катрин, морщась на яркое солнце, обошла донжон. Двор «Двух лап» в общем-то не отличался простором. Тем нагляднее были следы «слепых» блужданий незваной домовладелицы. Заплевала весь двор. Совершенно справедливо Фир Болг с песиком людей избегают. Одни неприятности от этих двуногих. Хотя если бы древний обитатель замка свой морок не навел, никто бы и не напачкал. Ладно, что теперь об этом думать...

Летний день, после темных душных помещений казался восхитительно солнечным и веселым. Особенно, когда желудок ведет себя пристойно. Катрин подхватила брошенное копье Даллапа и вышла за ворота.

Ее ждали у моста. Ингерн и Энгус подскочили с травы, Блоод осталась сидеть, лишь вскинула завязанное лицо.

– Расслабляетесь? – ухмыльнулась Катрин.

Рожи у спутников были серьезные, как у хомяков-погорельцев. Похоронили уже леди, дуру самонадеянную.

– Мы... – Ингерн солидно прокашлялась. – Как там?

– Там – пыльно. Веду переговоры. Процесс сложный, но

некоторая надежда прийти к консенсусу имеется. Она, надежда, лишь слегка брезжит, и поэтому нужна ваша помощь...

Во как внимают, приятно посмотреть.

– Несите воду и свечи. Еще прихватите королевскую бумагу с печатью – нынешние обитатели замка жуткие бюрократы. И самый большой окорок, который у нас найдется. Как там, кстати, Даллап?

– Сидит. Печальный, – супруга страдающего ветерана тяжело вздохнула.

– А ты как? – спросила Катрин у Энгуса.

Энгус пожал плечами и что-то глухо каркнул. Членораздельной речью он так и не овладел.

– Пройдет, – утешила товарищей Катрин, – пару дней, не больше. По крайней мере, так обещает старый хозяин.

– А? Кто? Зачем ему... – встревожилась любознательная служанка, но Катрин торопилась.

– Тащите все сюда. Мне еще долго дипломатию разводить, спешка в таком деле неуместна. Супругу передай его вооружение, – предводительница сунула в руки Ингерн злосчастное копьё. – Вперед, а то там его, одинокого и несчастного, барсуки враз затопчут.

Ингерн и Энгус ускоренным шагом отправились в лагерь, а Катрин села рядом с суккубом. Блоод протянула подруге флягу с водой. Кажется, и свежая вода в дорогом трофейном серебре отдавала тем мерзопакостным «ароматом», что про-

питал всю компанию. Интересно, есть ли в замке прачечная?
– Рука? Сильно? – прошептала суккуб.
– Ерунда. Недоразумение. Вот перчатку зашивать придется.

– Он. Ненавидит меня?
– Тебя? Вряд ли. Скорее, он всех подряд не любит. Наверное, есть за что, – Катрин блаженно вытянулась на траве. – Хорошо-то как на солнышке.
– Хорошо. Когда не спит. Не рвет. Не пахнет.

* * *

– Так что с колодцем? – спросила Катрин.
– Не знаю, – равнодушно сказал Фир Болг. – Вода меня не волнует.
– А ваш друг, кажется, не прочь промочить горло.
– Моде Лу лишен человеческих слабостей. Да, иногда он выходит к реке. Но ему ничего не нужно.

Сомнительно. Псина вылакала практически всю воду, принесенную Катрин, и теперь неторопливо расправлялась с окороком. Девушке пришлось нарезать мясо на узкие ломти и сложить на блюдо. Вероятно, четвероногий эстет предпочел бы усесться за сервированный стол, но пока обстановка в замке к подобным изыскам не располагала, посему Моде Лу ужинал на сундуке. Возможно, пес был способен обходиться без пищи телесной, но особого удовольствия подобный ас-

кетизм животному явно не доставлял. Ишь, чавкает...

Катрин смотрела, как осторожно перемалывают стершиеся зубы мягкую свинину. Да, в преклонном возрасте все-таки есть свое благородство. Иначе сидеть бы гостье сейчас однорукой.

– Я склонен доверять вам, Катрин, – скачущий голос старика звучал теперь ровнее, но все равно приходилось прилагать усилия, чтобы его понять. – Но ваши спутники... Они ведь обычные селяне. Я знаю этих неблагодарных и пустоголовых людишек.

– Ну, мои товарищи не такие уж забытые богами неандертальцы. Кое-что повидали, сносно умеют читать и писать, и не склонны мгновенно доверяться бабьим сплетням. Уверена – они предпочтут честно выполнять условия договора.

– Никогда не слышал о подобных договорах. Вы говорите «они предпочтут выполнять». А вы не входите в «их» число?

– Я? – удивилась Катрин. – Помилуйте, Фир Болг, ваше присутствие кажется мне вполне естественным. Замок достаточно просторен, чтобы в нем поместились мы все. Честно говоря, вы нам нужны. Вам многое ведомо, вы здешний старожил, ваш опыт и знания неоценимы. Нет, никто не станет вам надоедать. Но если «Двум лапам» будет угрожать опасность извне... Мы ведь можем рассчитывать на вашу поддержку?

– Пока замок остается моим домом, я сделаю все возможное для его защиты. Но... Мои возможности скромны. –

Морщинистое лицо древнего жильца замка помрачнело. – Годы идут, я слабею. Мой друг тоже дряхлеет.

– Моде Лу нужно больше гулять. В моих краях придают большое значение моциону и иным способам поддержания физического тонуса. Мне кажется, ваш друг просто хандрит. Конечно, это мое первое, сугубо поверхностное впечатление, – поспешила добавить Катрин, поскольку пес взглянул на нее с очевидным презрением.

Старый дарк молчал. К яркому пламени свечи он уже привык и теперь смотрел на огненного мотылька не отрываясь.

Катрин подумала, не срезать ли с кости окорока немного мяса? И о себе подумать ведь не грех. Пока еще свининка остается. За стенами замка уже давно царила ночь. Пустой желудок напоминал о себе, но достаточно робко, организм еще помнил утренние катаклизмы. Нет, пока воздержимся от жирного.

– Катрин, за что король даровал вам эти земли? Вы кого-то обманули? Соблазнили?

– Вы же видели патент. Там довольно подробно все изложено.

– Пространность пустословия часто покрывает ложь. Я видел оружие в ваших руках, но участие в резне, наравне с тысячами воинов совсем иное дело. Уж поверьте мне, я видел истинные сражения.

– Ну, нынешние масштабы смертоубийств поскромнее. Хотя по существу оправдаться нечем. Очевидно, большим

умом и сообразительностью я не отличаюсь, раз мне приходится чаще держать в руках сталь, чем серебро. Гордиться нечем.

– Мы нечасто выбираем дороги, по которым нам суждено идти. Вы знаете мою историю. Мне тоже нечем гордиться.

Катрин вздохнула. История упадка «Двух лап» была печальна. И Фир Болг сыграл главную роль в той давней трагедии. Но кто имел право его судить? Катрин судить вообще не умела, прирезать сгоряча – иное дело.

– Печальная история, но стоит ли ее ковырять через столько лет? Понять вас вполне можно. Мне случалось лишать людей жизни и по менее значительным поводам. Каждый из нас ответит перед своей совестью. Ну, или на том свете, перед богами и предками. Мальчик ведь был вам не чужой?

– Нет, – старик не отрывал взгляда от пламени свечи. Пес перестал жевать, посмотрел на старого друга.

Катрин была рада, что никогда не узнает подробности. Много лет назад, в один чудесный вечер, эта странная парочка, старик и псевдопес, действительно стала проклятием «Двух лап».

Гнусно все-таки устроен мир. Ни с того ни с сего могут растянуть девушку на столе и побаловаться с беспомощной плотью. Собственно, это довольно банальная и распространенная пакость. Бывают тоньше и изощреннее. Да, всякое бывает. Например, могут издеваться над твоим праправнуком, которого ты вслух не можешь признать «своей кровью».

Тебя с легкостью могут предать твои старинные друзья и знакомые...

С другой стороны, где сейчас все эти любители брутального секса и утонченных измывательств? Сгнили уже давно.

— Да ну его на фиг, не будем о прошлом, — решительно сказала Катрин. — Давайте подумаем о насущных вещах. Проза жизни, но как без нее обойтись...

* * *

Холодный рассветный воздух пьянил. Катрин, запрокинув голову, взглянула на башню. Восходящее над лесом солнце раскрасило зубцы донжона бледно-розовой акварелью. А в глубокой коробке двора еще плавала ночная тьма. Девушка поежилась и резво направилась к воротам. Надо было куртку захватить. От ворот «Двух лап» открывался великолепный вид на речную долину, на леса и рощи, темными языками подбирающиеся к реке. Солнечный свет озарял вершины далеких гор, и, казалось, до золоченых шапок ледников рукой подать. Катрин на ходу полюбовалась чудесным пейзажем и нашла глазами заброшенную деревню, о которой говорил старик. Вросшие в землю домишки, на многих соломенные крыши уже провалились. В зелени кустов с трудом угадывались покосившиеся частоколы. Да уж, любой колхоз-неудачник даст сто очков этому запустению. Неужели дуре-леди и садоводством-земледелием придется занимать-

ся? Катрин судорожно зевнула. По крайней мере сегодня, ничего аграрного не грозило.

Когда латифундистка спустилась к броду, в кустах уже всю гомонили птицы.

* * *

– Значит, так, – неразборчиво прочавкала Катрин. Есть очень хотелось, но личный состав жаждал знать, что его ждет. С помощью глотка пива командирша пропихнула в себя кус колбасы. – Обитатели замка согласились разделить с нами кров. Общая установка: мы не мешаем им – они не мешают нам. Думаю, тесно нам не будет. Условие первое: не соваться без приглашения в их покои. Вообще-то еще благоразумнее туда не соваться. Они переселятся в угловую комнату, пересекайся будем редко. Условие второе: никакого сквернословия в стенах замка. Вежливость всем нам пойдет на пользу. А то распустились. Особенно я. И условие третье: мы их подкармливаем. Для нас не очень обременительно – их всего двое и кушают они символически. Да, и самое главное условие – мы их уважаем.

– А тошнота? Мы же не можем вот так... – Ингерн ткнула рукой в бледного супруга.

– Тошноты нет. Забыто, – Катрин демонстративно взмахнула куском колбасы и лепешкой. – Никаких физиологических неприятностей. Иное дело, если ты полезешь со своими

непрощеными советами или вздумаешь наводить порядок в их конуре. Мы должны вести себя тактично. Если, конечно, кто-нибудь помнит, что это такое. Иначе одной блевотой не отделаемся. Вопросы?

Энгус что-то курлыкнул. Ингерн с опаской поинтересовалась:

– Да кто же там живет, госпожа? Мы о таких мерзких заклятиях в жизни не слышали.

– Там живет старый Фир Болг. Со своим песиком. Полагаю, мы можем оказаться полезны друг другу...

– Фир Болг? – ужаснулась Ингерн. – Полезен?!

Мужчины теперь курлыкали наперебой, а Блоод как-то сжалась.

– Что за паника? Старик, понятно, не сахар, но вполне вменяемый.

– Фир Болги от начала времен лютые враги людские! Хорошо, что давным-давно передохли все. Да с древних времен, еще с битвы при Маг Туир, каждый ребенок знает, что не было врагов злобнее и коварнее! Они же ненавидели все живое! Люди никогда не жили с ними в мире. Все сказки и саги об этом говорят. Так не бывает. Где это видано – жить с живым Фир Болгом?! – разорвалась Ингерн.

– Про битву не знаю, не присутствовала. Тебе виднее. А насчет врагов... Посмотри налево... Не боишься?

Слева от служанки сидела молчаливая желтоглазая ланон-ши.

– Леди Блоод – иное дело, – возмутилась Ингерн. – Мы ее знаем. Как сравнивать можно?! Фир Болги – самые злобные существа на свете. Куда злобнее вег-дича. С ними жить никак нельзя. Он и вас-то отпустил, чтобы нас всех заманить. Они же все живое сразу губят...

Безголосые мужчины энергично кивали, подтверждая ужасную репутацию древних злодеев. Одна Блоод хранила нейтралитет, но, судя по всему, в замок ей тоже не хотелось.

– Перестаньте чушь тиражировать. Собака живет со стариком долгие годы, и пока он ее не удушил. Сказки и мифы – есть вольное народное творчество, и при всем уважении к фольклору, я не стану этому самому творчеству верить беспрекословно. Этот Фир Болг не глупее нас с вами, и не думаю, что он скучал здесь тридцать лет, дожидаясь, когда именно нас можно будет погубить. Собственно, чего вы ожидали? Что замок покинут, оттого что давешним обитателям опротивел вид из окна? Надеялись, что здесь нас ждет одинокая бабулька, которая чудно печет пирожки с грибами? Никого не собираюсь заставлять. Каждый может поискать местечко поуютнее.

– Госпожа, но это же Фир Болг! – возопила Ингерн. Муж ухватил ее за плечо, яростно жестикулируя свободной рукой, отпихивал мычащего-возражающего Энгуса. Спор получался живописным, но малопонятным. По крайней мере для Катрин. Она с удивлением увидела, как Блоод уцепилась за плечи парня, что-то зашипела тому в ухо.

– Ну вы тут пока подискутируйте, проголосуйте. Обдумайте альтернативные варианты, поторгуйтесь, посчитайте, составьте бизнес-план... – Катрин взяла с телеги плащ.

Командирша была весьма зла, но стоило лечь и закрыть глаза, как нечленораздельный гвалт сообщества взбудораженных полунемых и им сочувствующих отдалился и угас...

* * *

Узкая ладонь погладила ее по щеке, Катрин открыла глаза и увидела перечеркнутое черным лицо Блоод. Солнце висело высоко, и под плащом было ужасно жарко. Катрин села.

– Чего? Куда?

– Поехали, – суккуб протянула кружку с яблочным компотом.

– Куда?

– Знакомиться.

* * *

...Взмокшие от возни с воротами мужчины, наконец завели лошадей во двор. С конюшней было легче – последние десятилетия она простояла настежь распахнутой.

Катрин хотелось поторопить товарищей. Фир Болг ждал официального представления в «тронном», в смысле, камин-

ном зале. Похоже, он нервничал не меньше, чем новоселы. Насторожившийся замок, казалось, дышал отголосками давешнего ужаса. Тридцать лет прошло, а как-то именно сейчас ощущается. Ингерн потерянно торчала посреди двора, тиская древко копья. Даже Блоод сейчас жалась поближе к подруге.

– Ты-то что? Тоже сказок в детстве наслушалась? Он старенький, приставать не будет. Или тебя это и смущает?

– Не смущает. Они не терпят. Таких. Как я.

– И всего-то? – проворчала Катрин. – Кто ж вас терпит? Только я да Энгус...

Катрин несла свечу, и неверный свет выхватывал из темноты то перевернутую скамью, то стопку почерневших тарелок.

– Пыли-то, пыли, – бормотала бредущая следом Ингерн. – За век не убраться. Зачем мы сюда пошли? Здесь сто лопат нужно какашки мышиные выгребать...

– Молчи! – шикнула Катрин, но откуда-то спереди уже донеслось утробное угрожающее рычание.

Ингерн едва слышно охнула. Мужчины вскинули оружие.

– Что это? Он?!

– Нет. Собачка. Осуждает твое сквернословие по поводу мышиного помета.

– Собачка?!

– Да. Я предупреждала. Собачка, звать ее Моде Лу, – ру-

гательств категорически не терпит.

– Моде Лу не собачка!!!

Судя по возне сзади, мужчины тоже думали, что Моде Лу не так однозначно относится к четвероногим друзьям человека. Слава богам, вслух храбрые путешественники своих подозрений высказать не могли.

– Собака. Четыре ноги, нос, уши, все такое. Типа ньюфаундленд. Я таких уже видела. Идите вперед.

Катрин осторожно поставила свечу на сундук. Неподвижно сидящая фигура проявилась из тьмы. Кто-то из пришельцев судорожно и громко вздохнул. Девушке и самой стало жутко: узкое, исчерченное морщинами, одновременно и человеческое, и нечеловеческое лицо казалось мертвым. Фир Болг открыл ослепленные светом глаза и с надменной прямоотой взглянул на людей.

Катрин с трудом выдавила:

– Милорд, вы знаете о «Двух лапах» все. Это ваш дом. Мы просим заранее извинить нас за невольное беспокойство, которое доставим. Мы уважаем ваш опыт и вашу мудрость. Обещаем не мешать вашим размышлениям, дать покой вам и вашему другу...

Тьма в углу шевельнулась. Ингерн придушенно пискнула. Лохматый зверь неторопливо подошел к креслу.

Сухие губы старика разомкнулись:

– Пусть молодая женщина не боится. Моде Лу мудр и

справедлив. Любой может довериться его беспристрастному суду.

– Зачем же сразу «суду»? Молодую женщину зовут Ингерн. Она ничего не боится, кроме нечистоплотных грызунов. Ее супруга, достойнейшего из воинов, участника бесчисленных сражений, величают мастером Даллапом. Молодой воин, которого вы видите рядом, зовут Энгус. Его главные битвы впереди. А это моя верная подруга Блоод...

– О, верность ланон-ши известна с начала времен, – без выражения сказал Фир Болг.

– Да. Времена проходят. Ланон-ши остаются, – прошипела Блоод.

– Наши и ваши племена временами враждовали друг с другом. Но племен здесь нет, – четко выговорила Катрин в мгновенно ставшей угрожающей тишине. – Нас здесь немного. Каждый из нас может говорить, что считает нужным, решать и направлять свою собственную судьбу. Но не мешать жить другим! И по возможности головой думать, а не иным местом. Очень может быть, я ошибаюсь, но размышлять – не последнее развлечение для истинно разумных существ. Временно или навсегда – «Две лапы» наш общий дом...

Иногда прямота все упрощает. Бывает, очень опытным людям и нелюдям нечего возразить словам юной наглой девчонки. Главное, после лаконичного и правильного лозунга, какую-нибудь глупость не брякнуть.

Глава 4

Жара спала. Впрочем, здесь, у воды, она не так уж и чувствовалась. Катрин отправилась на промысел вскоре после обеда – вот тогда грести было жарковато. Сегодня разведчица выбрала путь вверх по течению. Легкий и узкий долбленный челнок чувствовал неопытность своего «кормчего», приходилось уйму сил тратить на удержание нужного курса. Несмотря на то что Катрин уже не в первый раз предпринимала подобные краткие разведывательные экспедиции, чувствовала она себя в утлой долбленке, как тот бегемот, оседлавший гимнастический бум. Но с каждым разом приноровиться к верткому плавсредству удавалось все быстрее...

...Щука, определенно. Леса напряженно резала воду, приходилось поспешно отпускать, опасаясь за сохранность снасти. Катрин не суетилась, она уже давно привыкла к слабостям плетеной из конского волоса леси. Вот плеснуло, мелькнула спина пятнистой хищницы. Щука вновь ушла в глубину, но рыбина уже порядком устала, и скоро охотница втащила добычу в лодку. Хищница возражала, пришлось пристукнуть ее обухом топорика. Освободив из щучьей пасти грубоватую блесну, Катрин сунула увесистую добычу в мешок – там затрепыхались товарки по несчастью. Щуки сегодня шли одна в одну, словно по эталону их кто-то строгал. Затесалась, правда, пара окуней, и крошечный ошалевший

голавль – его Катрин отпустила подрастать. В последнее время Ингерн готовить мелкую рыбу брезговала.хлопот с ней, видите ли, много. Точно зажрались...

Вообще-то можно было и возвращаться. Улов вполне достаточен, чтобы оправдать половину дня, проведенную на реке. Но Катрин не торопилась. Охотиться на пятнистых хищниц хозяйке «Двух лап» нравилось куда больше, чем возиться в захлебывающемся хозяйственными проблемами замке. Малодушные, однако. Но не царское (в смысле, не лордовское) дело – дрова рубить и полы отмывать. Ничего более профессионального Катрин не доверяли. В плотничьем и кузнечном ремесле молодая леди и в подметки не годилась мастерам-мужчинам. О кухонном хозяйстве и говорить нечего – здесь Ингерн была вне конкуренции. Даже Блоод оказалась при деле – суккубу отчего-то нравилось возиться с тряпьем. Надо думать, из-за многолетнего отсутствия подобной возможности. Что ж, в «Двух лапах» нашлась уйма гобеленов, простыней, скатертей и прочего старья. Все это находилось в столь ветхом и залежавшемся состоянии, что Блоод была обеспечена развлечениями надолго.

...Катрин сполоснула в прохладной воде руки. Искупаться, что ли? Девушка сидела обнаженная, только голову стягивала вылинявшая косынка. Практично: и одежду рыбьей слизи не испачкаешь, да и просто подставлять кожу слабющему вечернему солнцу приятно. Скоро дело повернет к осени. Лето здесь долгое, но все равно закончится. А зима,

говорят, еще длиннее. Но холода наступят еще не завтра.

Девушка, рискуя опрокинуть долбленку, встала. Мир весело закачался, сердце екнуло. Ох, сейчас искупаешься. Лодка успокоилась, и Катрин смогла сладко, до хруста в суставах, потянуться. Вокруг лежал мир, сияющий тысячами зелено-голубых оттенков. Холмы и лес, замерший в безветрии камыш, бездонная высь неба... Перекликались птицы, где-то в камышах подала недовольный голос кряква...

Катрин нашла глазами замок. Он хоть и уменьшился в размерах, но казался очень близким. Можно даже рассмотреть струйку дыма из кухонной трубы. Или это из кузни? Мужики, кажется, хотели петли для ворот перековывать. Интересно, что думают об ожившем замке посторонние? Пока Катрин натыкалась только на старые кострища на солидном удалении от замка, но не обольщалась – люди в Медвежьей долине наверняка водились.

Но пока бесхозяйственная хозяйка была одна. Совсем одна, если не считать мечтающих о возвращении в родную стихию щучек. Все, смириться, несчастные.

Щуриться на оранжевый апельсин было, конечно, приятно, но солнце скользило к горизонту слишком быстро. Пора и честь знать.

Вниз по течению челнок скользил пушинкой, и подправлять не нужно. Катрин почти не гребла. Смотрела то на берега, то на медленно приближающийся холм, на вершине ко-

торого темнели стены «Двух лап». Строили замок люди талантливые. Лучшее места не найти: и от северного ветра прикрыто, и обзор отличный. Брод под контролем, ближайшие окрестности как на ладони. Теперь Катрин знала, что это единственный брод на всю округу, разве что выше по течению, дальше к северо-востоку, что-нибудь подобное найдется. Зубчатые стены замка сложены на совесть. Еще бы сюда два-три десятка надежных парней, умеющих пускать стрелы и держать копье, и можно чувствовать себя в безопасности. Ну, не помешали бы конюх и настоящий кузнец. И еще...

Что-то размечталась. Чувство частной собственности проснулось?

Катрин нравился «Две лапы». Только не верилось, что это действительно принадлежит ей. Что это ДОМ. И что этот дом навсегда...

Бывает что-нибудь «навсегда»? Эх, философские вопросы до добра не доводят. Смотри-ка лучше под нос, а то напорешься на какую-нибудь корягу. Катрин шевельнула веслом...

Солнце коснулось горизонта, и как-то сразу мир потускнел. Начинался вечер.

Шаткие мостки прятались в густых кустах ивняка. Лодка скользила неслышно, и подплывающую Катрин заметили не сразу. На мостках сидела Блоод, но командирша успела разглядеть спину поспешно удаляющегося Энгуса.

Суккуб ухватила челнок за нос, помогла причалить. Катрин единственной лодкой весьма и весьма дорожила. Между прочим, собственноручно конопатила. И весло сама в порядок приводила. Командирша подала мешок с уловом, оружие, поднялась и попала в объятия подруги. Прохладные гибкие руки, губы, от которых неизменно дуреешь...

– Ух, ты же никогда не любила рыбу.

– Ты не рыба. Ты – удовольствие.

– А твое второе удовольствие чего удрало?

– Не удовольствие. Интересно. Рассказывает, как живут люди.

– А я, значит, не человек? Или меня расспрашивать неинтересно?

– Ты другой человек. Не такой. Ингерн, Даллап, Энгус... Ты говоришь с Фир Болг. И со мной. Другая.

– М-да, экая символическая грань. Впрочем, тебе виднее.

Насчет постели мы тоже отличаемся?

– Смешно. Ты спала с Энгусом. Как?

– Никак. Пардон, это и спаньем назвать было нельзя.

– Нельзя. Мышонок.

Катрин вздохнула:

– Пойдем, моя красноречивая. Нароботает парень опыт, уж я не сомневаюсь.

После ужина Катрин вышла из ворот, обозреть владения. Долина быстро гасла в сгущающейся темноте. Опушка леса казалась чернильно-черной. Землевладелица с облегчением уселась на перила моста. Перекладина затрещала, но выдержала. Ну да, – запеченная в тесте рыба, горох с подливой... Нужно поговорить с Ингерн, а то личный состав сплошь в вялых Винни Пухов превратится. Ой-ой, перекармливают люди. Так возьми вон лопату, ров углубить не помешает.

Отдуваясь, вывалились Энгус с Даллапом. Плюхнулись на бревно и в один голос начали жаловаться, что угля нет и потому поддерживать нужную температуру в горне вообще невозможно. Смысл сетований Катрин не очень понимала, потому как на роль углежога претендовать совершенно не собиралась. Как ни крути, в замке всего пять пар рук.

– ...Качаешь, качаешь, а железо чуть розовое. Нековка, а ловля блох какая-то, – канючил Даллап. Внезапно он замолчал.

Катрин оглянулась.

В воротах стоял Моде Лу. Пес подозрительно уставился на ветерана и, видимо, решал сложную лингвистическую проблему – можно ли считать «ловлю блох» ругательством? В сумерках псина выглядела настоящим медведем.

Даллап несколько изменился в лице. Катрин тоже обеспо-

коилась.

Пес еще раз предостерегающе взглянул на ветерана и не спеша потрусил вниз по тропинке. Его прогулки перед сном вошли в такую же традицию, как и посиделки у ворот.

Даллап очень осторожно сплюнул в ров и полушепотом сказал:

– Надеюсь, если пожалуют незваные гости, песик будет на нашей стороне?

– Не думаю, что в этой стране найдутся люди, более следящие за своей речью, чем мы. Любой пришелец обязательно ляпнет что-нибудь непристойное и будет в клочки изорван, – ухмыльнулся Энгус.

– Песик действительно производит жуткое впечатление, но разумнее нам надеяться на самих себя, – с грустью сказала Катрин. Про собачий преклонный возраст и стоматологические проблемы распространяться не хотелось.

Ингерн уже домывала посуду. Странно, что некоторые во все не прочь заниматься столь увлекательным делом в одиночестве. Вот она, истинная хозяйственность. Кто бы возражал. Должны в доме нормальные женщины иметься или не должны? Ну, тут жутко нормальная Ингерн начала немедленно жаловаться на отсутствие хороших бочек, из-за чего воды на кухне все время не хватает. Пришлось пообещать подумать и над этой проблемой.

Взяв тарелку с порезанным на мелкие ломтики яблоком,

Катрин поспешно покинула кухню с упорно бубнящей служанкой. Ужас какой-то, всем чего-то нужно: удобства, имущество, инструменты...

На ступеньках было чисто, все вымели, выбросили, можно не опасаться ногу сломать, хоть и темнотища. Осветить все переходы замка пока было задачей малореальной. Впрочем, не такой уж и необходимой. Коридоры и лестницы, слава богам, здесь недлинные. Главное – тарелку не перевернуть. Фир Болг яблоки не ел, как, впрочем, и иной человеческой пищи. Но запах свежих фруктов дарку нравился. Что-то этакое сентиментальное напоминали яблоки старикану. Лучше не спрашивать.

Катрин негромко постучала. В ответ раздался неясный звук, но к такой реакции старожила девушка успела привыкнуть. Открыла дверь:

– Добрый вечер.

– Значит, вечер? И действительно, добрый? – проскрипел старик, не торопясь откладывать книгу, которую только что читал. Свеча горела на другом столе, и что можно было разглядеть в темноте, для Катрин всегда оставалось загадкой. Впрочем, похоже, Фир Болг читал тот же том, что и неделю назад.

Старик со своим четвероногим партнером занимали комнату на северной, самой неудобной стороне «Двух лап». Покои вокруг пустовали, супругам и одинокому Энгусу хватало более светлого второго этажа. Старожилов никто не бес-

покоил. Ингерн и без строгих указаний едва ли была пока способна дотянуться своими деятельными ручонками до этих темных и глухих покоев. Иногда Катрин казалось, что «Две лапы» и должны оставаться такими: тихими и безжизненно-пыльными. Зброшенный, по-своему уютный музей с привидениями.

«Привидение» оторвалось от книги и посмотрело на девушку. Катрин сидела в кресле, которое путем осторожных многодневных манипуляций удалось более-менее очистить от пыли. Кто сиживал на этом сиденье в прежние времена, осталось неизвестным, но делали мебель под человека весьма крупного и солидного – рослая Катрин чувствовала себя как на диване. В общем-то удобно, но особо не поерзаешь – прорвавший обивку конский волос колет даже сквозь брюки.

– Как прошел день? – поинтересовался Фир Болг.

Катрин не знала, спрашивает ли старик с насмешкой или его действительно интересуют ничтожные человеческие свершения. Вообще-то долговязый затворник изредка подавал по-настоящему дельные советы. Ох, не всю он жизнь сидел над книгами...

Они неспешно говорили о том о сем. Начали с завала, преграждающего вход в винный погреб. Даллап с Энгусом рвались навести там порядок, но Ингерн считала, что пока есть задачи и поважнее. Возможно, девица опасалась, что там таится кто-то, кроме разошедшихся бочек и превратившегося в черную гущу пива. Не было там никого. И клуракан, и бу-

бах покинули замок. Поистине тридцать лет назад Фир Болг творил жуткие вещи, напугавшие даже мирных нейтральных дарков.

Но это было давно, а теперь старик неспешно повествовал о том, как в старину выживали «Две лапы» долгими суровыми зимами. Когда слой снега в человеческий рост превращал долину в непроходимую снежную пустыню. Спасали лишь обильные запасы. Корм для скота, дрова, запасы зерна и овощей – всему находилось место в амбарах и складах замка. Сейчас даже мышей там не найти. Да, зима может стать очень долгой. Волки, росوماхи величиной с медведя, таинственные снежаки – стрелы их отпугнут. Но в долину могут прийти вездичи. Зимой голод сбивает тварей в крупные стаи. Стены без настоящих стрелков не станут препятствием для умных хищников. Вот тогда зима для людей может здорово укоротиться...

– Катрин, ты думаешь остаться? Зимовать здесь? – внезапно спросил Фир Болг.

Вопрос... Судя по прорвавшимся ноткам, старика действительно волновали планы юной хозяйки замка. Отучился скрывать свои мысли. Впрочем, какой он старик? Имидж такой. Возможно, старожил «Двух лап» находится в самом расцвете сил. Конечно, отсутствие дамского общества наложило свой отпечаток.

Что молчишь, хозяйка? Отвечай.

– Не знаю. Мне нравятся «Две лапы». Уютно здесь. Я не

боюсь зимы. – Катрин смотрела в провалы глаз собеседника. Нечеловеческие глаза ее давно не пугали. – Но потом будет еще зима, и еще. Хватит ли одного уюта, чтобы замок стал моим домом? Если мне будет чего-то не хватать, я стану очень неприятной. Для всех. Ох, не знаю...

– Катрин, разве ты не испытываешь искушения солгать? Лорд не должен говорить – «не знаю». Твердость необходима людям. Челяди, воинам, селянам. Даже ложная твердость.

– Наверное. Лгать легко. Но я всегда желаю знать, зачем и кому я вру. Иначе легко запутаться. Брехать самой себе не вижу ни малейшего смысла.

Из угла донеслось ворчание. Дремлющий пес среагировал на малоэстетичное – «брехать».

Старик раздраженно глянул в сторону четвероногого товарища и продолжил допрос:

– Ладно, ты не желаешь обманывать себя. Но ты говоришь со мной. Неужели я выгляжу ничтожеством, недостойным обмана?

Катрин удивилась:

– Разве я вас оскорбила? Мы выполняем договор. Ваши советы ценны, и их больше, чем мы даже могли рассчитывать.

Фир Болг поморщился:

– Твои друзья – разумные хотя и излишне громогласные люди. У меня нет ни малейших причин обвинять их в чем-либо. Даже твоя подруга-кровопийца ведет себя небывало

пристойно. Но сейчас ответь за себя. За себя одну. Ты другая. Ланон-ши, эта змея в человеческом облике, понятнее, чем ты. Она не обманывает и не умерщвляет мужчин вокруг лишь потому, что рядом ты. Откуда ты явилась? Зачем? Ты не говоришь правды. Остается догадываться. Ты Пришлая? Признай. Пришлые – не такая уж редкость. Я знал двоих-троих. Вот тайна всегда подозрительна.

– Что здесь понимать? Это не нужная никому тайна. Да, я не отсюда. У меня нет дома. Мне не за что держаться. Как и Блоод, как и почти всем нам. Пришлая я или нет – в чем разница? Какой смысл лгать или объяснять? Есть же здравый смысл. Или о таком никто не слышал? Если я останусь, я не хочу чтобы за моей спиной тлело предательство. Если уйду, то мое вранье, как и та не нужная никому правда, окажется еще бессмысленнее. Нет, лучше я останусь просто дикой северянкой. Можно?

– Слишком просто. Для бесстыдной особы, которая каждую ночь воет от извращенного наслаждения, ты говоришь слишком сдержанно.

– Если мешаю спать, буду выть потише, – пробурчала не слишком смущенная Катрин.

– Ты знаешь, что я не сплю. Твои слова слишком циничны. Пустое кокетство, хвастливая бравада или что-то иное? Ты не слишком похожа на ошалевшую от безнаказанности, избалованную столичную распутницу. – В голосе Фир Болга слышалась насмешка. Чувство юмора у него все же имелось,

пусть и глубоко замаскированное.

– Кокетство, хм... Это честность. Вообще-то ни к чему не обязывающая.

– Сделаю вид, что поверил. Завывай, если тебе нравится. Когда-то здесь жили кошки. Слышала о таких зверьках? Ты занимаешься любовью с таким же громким восторгом. Забавно, если сравнить с твоими сдержанными друзьями. В постели они шуршат, как летучие мыши. Ты знаешь, что они хотят ребенка?

Катрин кивнула без особого энтузиазма:

– Догадываюсь. Рановато, нас ждут нелегкие времена. Но Даллап торопится. Возраст.

Фир Болг неожиданно фыркнул:

– Возраст? Да он еще совсем сопляк. Вам, людям, свойственно так много внимания уделять подсчету прошедших годов. Ладно, миледи-хозяйка. Твоя подруга изнывает, да и тебе не терпится отправиться на отдых. Иногда я почти завидую вашей искренней и неумной тяге блудить.

– Чему завидовать? Блоод такой уродилась. За себя оправдываться не стану. Просто бесстыжая потребность неуравновешенного организма. Вообще-то нам завтра рано вставать. Даллап видел на опушке оленей. Попробуем пополнить запасы мяса.

Старик саркастически кивнул:

– Понимаю. Проливать невинную кровь столь же тяжкая необходимость, как и извиваться от похоти.

- Что делать, мы, люди-человеки, жертвы своей природы. Кушать хочется каждый день.
- Ступай, утоляй свой голод. Я поразмыслю и посмеюсь над вашей несчастной природой.
- Благодарю. Но если надумаете меня менять к лучшему, не забудьте посоветоваться. Может, и соглашусь.
- Люди еще и ужасающе многословны, – проскрипел Фир Болг, берясь за свою вечную книгу.

Катрин поднялась по узкой винтовой лестнице. Подруги обитали в верхнем этаже башни. Выше была только боевая площадка, окруженная зубчатым парапетом. Комната казалась крошечной, особенно по сравнению с королевскими апартаментами в Тинтадже, но особых сожалений девушки не испытывали. Главное – кровать умещается.

Катрин нырнула в приземистую дверь, клацнула кованым запором. Запираться, собственно, в «Двух лапах» было не от кого, но массивный засов выглядел таким замечательно надежным. Да и вообще Катрин не любила пренебрегать мерами предосторожности.

Блоод полулежала на постели. Кроме бездны природного очарования, желтокожая красавица переняла и кое-что сладостно-непристойное от цивилизованной подруги. Те уловила, что столетиями отшлифовывала вечно озабоченная интимными игрищами человеческая раса. И пожалуй, у ланон-ши всякие эротичные штучки выходили на порядок луч-

ше, чем у самой Катрин.

Смотреть и не пускать слюни было невозможно. У Катрин мгновенно напряглись бедра. Блоод была полуодета. Найденная в забытых сундуках кружевная рубашка, чулки чуть выше колен. Из всех достижений человеческой мысли суккубу больше всего импонировали именно жеманные галантерейные мелочи. Ну и ювелирные цацки. Вкусом Блоод обладала весьма независимым, и частенько небывалые комбинации украшений приводили немногочисленных зрителей в некоторый шок. Правда, украшать себя и сооружать некое подобие прически ланон-ши предпочитала лишь вечерами.

Сейчас, в тонких кружевах и серебре, Блоод казалась удивительно человеческой. Лишь янтарный взгляд, сияющий сквозь упавшие на глаза локоны, выдавал дарковский язвительный характер. Ах, желтокожая стерва.

Катрин содрала с себя рубашку, расстегнула пояс с ножом...

– Долго. Для старика. Тебе интересно? Мужская болтовня? – Блоод повернулась еще обольстительнее. – Хочешь Энгуса? Могу устроить. Он ничего не поймет.

– Дурно обманывать маленьких, – привычно пробормотала Катрин, развязывая брюки и плюхаясь на покрытый вытертыми лисьими шкурами сундук, чтобы снять сапоги. Блоод тут же, одним движением, оказалась у ног подруги. Катрин ощутила привычное смущение. Она купалась, да и сапоги хорошо «дышали», но все-таки когда тебе так ласкают

ноги... Но и прерывать это безобразие не было никакой возможности, да вообще-то и желания. Жар возбуждения расплывался все шире. Узкий язычок суккуба скользил по ступням. Блоод научилась использовать и ценить духи, но естественные запахи заводили очаровательную кровососку куда сильнее...

В истоме Катрин запрокинулась, голова свесилась с сундука. Поддрагивающие когтистые пальчики нежно легли на грудь...

* * *

Оставленный на хозяйстве и от этого чрезвычайно грустный Энгус следил за уходящей охотничьей командой, стоя у моста. Еще из ворот выглядывала огромная башка пса, и надо думать, соседство зверюги только усугубляло мрачное настроение «коменданта».

Катрин подбодрила своего Вороного каблуками и живо догнала остальных охотников. Ингерн двигалась на телеге, остальные верхом. Экипаж, заваленный колчанами со стрелами и дротиками, выглядел весьма воинственно. Возница, опоясанная мужниным тесаком, тоже смотрелась амазонкой. Оставалось надеяться, что олени и прочая дичь, осознав бесполезность сопротивления, начнут сдаваться пачками. О профессиональной загонной охоте на парнокопытных Катрин имела весьма слабое представление.

День выдался облачным. Хорошо, не так жарко будет. Под разговоры о делах насущных (в основном о тех же кузнечных заботах) добрались до опушки. Начали искать следы. Даллап вроде бы точно запомнил место, но в высокой траве ничего разглядеть не удавалось. Охотники разъехались вдоль опушки. Первой следы острых копыт разглядела Блоод. Не успели остальные подъехать к ней, как суккуб молча и резко выкинула руку. Катрин с изумлением увидела четырех животных, мирно щиплющих траву не далее чем в двухстах шагах от охотников.

– Отрежем от леса, – прошипела Катрин и махнула Блоод. Но стоило тронуться с места, как олени вскинули голову. Еще мгновение, и животные двинулись прочь. Очевидно, они не слишком обеспокоились. Просто отходили подальше. Трое всадников без труда оказались между оленями и опушкой леса.

– Что дальше? – осведомилась Катрин.

Даллап пожал плечами. Суккуб молчала. Было очевидно, что олени с легкостью уклонятся от любой попытки сблизиться. Судя по яростной жестикуляции, ценные мысли в избытке имелись у Ингерн, но, к счастью, тележная охотница осталась далеко позади.

– Попробую попасть, – решился Даллап. Заскрипел лук...

Если бы олени были величиной со слона, можно было бы попытаться выстрелить еще раз. А так, животные лишь с недоумением посмотрели на воткнувшуюся в нескольких

шагах от них стрелу.

– Дрянной лук, – сказал Даллап. – Полное дерьмо, – ветеран по привычке оглянулся, проверяя, нет ли поблизости Песика. – Надо было арбалет взять. Сглупили...

Катрин была согласна. И лук не лучший, и стрелки так себе. Арбалет не поможет. Вот винтовка с оптикой...

– Что будем делать?

– Я догоню, – прошептала Блоод.

На нее воззрились с изумлением.

– Что ты хочешь сказать? – проворчал Даллап. – Что лучше всех едешь верхом? Так мы верим.

– Это тебе не по крышам скакать, – предупредила Катрин.

– Не я. Он хочет. – Суккуб погладила по шее своего гнедого.

Отношения с жеребцом у нее сложились близкие, почти интимные. Но в том, что скакун способен столь вольно извлекать свои желания, Катрин все-таки сомневалась. Хотя кто ее знает. Блоод талантливая... воспитательница.

Сказать, чтобы подруга взяла хотя бы дротик, предводительница не успела. Гнедой мягко и сильно взял с места. Вороной Катрин гневно всхрапнул и рванул следом. Самолюбия у него хватало. Конь Даллапа мгновение поразмыслил и тоже решил не оставаться в стороне.

Олени догадались, что шутки кончились. Довольно крупные животные резво брызнули прочь. Трое длинными прыжками ушли правее и почти мгновенно скрылись за кленами.

и боярышником опушки. Четвертый олень – крупный, с ветвистыми рогами, самонадеянно свернул к холмам.

Катрин с изумлением видела, как гнедой, несущий легкую Блоод, начинает настигать животное. Желтокожая наездница обняла лошадиную шею. Шелк повязки и черные блестящие волосы трепетали за спиной...

Катрин вдавила каблуки в бока своего коня. Вороной возмущенно всхрапнул, демонстрируя, что и так делает все как надо. Шпионка с ужасом и восторгом вцепилась в луку седла. Ветер пел и выл в ушах, рубаха рвалась с плеч...

...Блоод почти настигла оленя. В последний момент перепуганное животное совершило сумасшедший скачок в сторону. Повторить такой маневр гнедому, несущему ланон-ши, оказалось не под силу. Конь проскочил мимо, но тут же без колебаний продолжил преследование...

...Вороной пошел наперерез. Собственно, Катрин пыталась его направлять, но конь лишь раздраженно всхрапывал – «сам знаю». Всадница неслась за мелькающим белым оленьим хвостиком – он почему-то был заметнее, чем все довольно крупное испуганное животное. Серое небо слилось с зеленой травой. Дробь копыт, свист ветра в ушах... Думать Катрин не успевала. Жутко мешали зажатые в левой руке дротики...

Впереди начинался склон холма. Олень решил свернуть и избавиться от опасно приблизившегося черного зверя. Ловкий прыжок через куст барбариса... Пролетая мимо, Катрин

негодующе заорала. Ее скакун отозвался не менее злобным ржанием и поднялся на дыбы так резко, что Катрин едва удержалась в седле...

Мимо рыжей молнией промелькнула Блоод – ее скакун на глазах настигал оленя. Увлечшийся Вороной понабдал следом. Катрин чувствовала, что ее жизнь оборвется, стоит не удержаться с седле этого летучего танка, но особых возражений этакий способ самоубийства отчего-то не вызвал...

Сквозь свист ветра в уши ввинтился вибрирующий, на грани слышимости, вой. Кричала Блоод. От ее боевого клича олень панически метнулся влево, подставил бок. Катрин метнуло дротик... Черт, тренироваться надо. Древко мелькнуло где-то под копытами, охотница перехватила в правую руку второй дротик. Если и сейчас промажешь, останется еще глефа у седла, но для метания тяжелое оружие не слишком приспособлено... Снова взвыла Блоод. Теперь не только несчастный олень затрепетал, но и Катрин едва выдержала высокий, полный нечеловечьего гнева и жажды визг-клич. Видят боги, у Бло прорезался голос.

Олень кинулся в сторону, уходя от нестерпимого звука, и тут же дротик вонзился в бок животного. Олень не успел еще упасть, как с пролетевшего мимо рыжего смерча слетела черноволосая хищница. В руке Блоод блеснул стилет...

Катрин поехала навстречу Даллапу. Жеребец под девушкой фыркал и по-своему, по-лошадиному, ругался. Катрин

осторожно успокаивала скакуна. Она проникалась все большим уважением к черному «танку». И некоторыми опасениями. Возможно, Вороной слушается ее, дожидаясь, а не подвернется ли более подходящий хозяин?

Подъехал бледный Даллап:

– Я думал, вы шеи посворачиваете. Разве можно...

– Да уж. Погорячились. Веди сюда Ингерн. Не торопитесь, теперь уж совсем глупо лошадей губить.

Разгоряченный гнедой подпустил Катрин не с первого раза, все косился туда, где осталась хозяйка. Ведя лошадей в поводу, охотница подошла к добыче. Блоод лежала, крепко обняв оленя. По телу животного еще пробежали последние судороги. Скорее, дрожь облегчения, как и все самцы в объятиях суккуба, олень умирал счастливым.

Блоод подняла голову. Нос, рот и подбородок покрывала горячая кровь. Кажется, даже желтые опьяневшие глаза покраснели.

– Плохо?

– Оближись, и будет ничего. Ты чертовски голодная.

– Была. Теперь. Не очень. – Ланон-ши поднялась, и ее сильно повело в сторону. Катрин ухватила подругу за плечо.

– В седло сесть сможешь?

– И сесть. И упасть.

– Тогда отдохни пока на травке.

Оленья взвалили на телегу. Ингерн сетовала, что животное в возрасте, – жестковато мясо будет. Охотничья команда двинулась к лесу. Надежда настигнуть скрывшихся животных еще оставалась. Может, кто-нибудь более жирненький и нежненький подвернется. Охотники отыскиали место, где испуганные животные ушли в лес. Только соваться в чащу с неповоротливой телегой было бессмысленно.

– Может быть, хватит на сегодня? – спросила Катрин, с сомнением разглядывая непролазные заросли боярышника.

– Как хватит?! Еще полдня впереди, – отсидевшаяся на телеге Ингерн жаждала крови и мяса.

– Рано или поздно нам придется всерьез охотиться в лесу, – поддержал жену Даллап.

Блоод сыто и не очень трезво улыбалась.

– Угу, только следопыты мы еще те. Как искать-то? Может, посвистеть, пусть сами к нам выйдут? – поинтересовалась Катрин. – И вообще нужно было ножками идти, без спешки, с ночевкой.

– Дальше лес реже. Верхом пройдем, – заверил ветеран. – Телегу здесь оставим. Ингерн пока рогатого освежает.

– Да, нужно тушей заняться. Пока еще до дому доберемся, – служанка хозяйственно похлопала по оленьей ляжке.

Да, для некоторых «Две лапы» уже стали домом. Может, и хорошо.

На полянке, заросшей ромашками, Даллап развел скром-

ный костерок. Оленя подвесили на сук. Ингерн, вооружившись острым ножом, подступила к добыче. Остальные забрались в седла. Въезжая в лес, Катрин оглянулась. Жизнерадостная полянка ей почему-то не нравилась. Может быть, оттого, что самонадеянная Ингерн здесь расположилась так уверенно. Ведь цветочная поляна отнюдь не замковая кухня, защищенная толстыми стенами. Еще припрется кто-нибудь на запах крови.

Верхом передвигаться было сложно. Приходилось не столько смотреть по сторонам, как уворачиваться от ветвей. Изредка удавалось заметить нечто похожее на след копыта. Только куда ведут следы и не оставило ли их какое совершенно несъедобное однокопытное существо, с седла разглядеть было трудно. Кроме того, шум, издаваемый следопытами, распугал бы и ежей.

Охотники решили разойтись шире. Суккуб двигалась левее – временами командирша видела ее светлую рубашку и круп гнедого. Даллап ушел вправо, и его путь можно было проследить по громкому хрусту, приглушенным проклятиям и фырканию мерина.

Катрин спешила. Лес стал понятнее и приятнее, только недовольный Вороной нервно дергал повод – в чаще коню не нравилось. Разведчице в данной ситуации лес тоже не казался особенно приветливым. Чего поперлись? Этак даже грибов не собираешь.

...Далекий истошный визг оборвался почти сразу. Узнать голос, конечно, не удалось, но направление было то самое – поляна, где оставили телегу. И очень маловероятно, что такие звуки может издавать кто-либо, кроме перепуганной девчонки.

Катрин прокляла себя. Нельзя было оставлять Ингерн. Знала ведь, что нельзя...

Раздался ответный испуганный крик Даллапа.

– Возвращаемся, живо! – закричала Катрин.

Слева застучали копыта, промелькнуло светлое пятно вновь взлетевшей в седло Блоод. Нет, на такой рискованный цирковой фокус Катрин была не способна. Девушка выдернула из петли у седла глефу и бросила поводья:

– Давай-ка сам, Танк. Вернешься, отборной морковкой кормить буду...

...Катрин петляла между деревьями, перепрыгивала и проламывала с ходу кусты. Дыхание, ритм – забыла, чему учили? Черт, откормила задницу. Какой на хрен ритм в этих зарослях? Глаза бы не повыкалывать...

Просвет...

Катрин вылетела на поляну. Среди ромашек плясал и ржал гнедой конь суккуба. Ему вторила запряженная в телегу Белесая. Раскачивалась на суку полуободранная оленья туша... Под ней дергалась опрокинутая на спину Ингерн.

Рубашка служанки была разодрана, лохмотья открывали молодые молочно-белые груди. Девчонку держал за волосы какой-то бородастый тип сугубо бродяжьего вида – лезвие ножа было прижато к горлу служанки. Появившуюся из леса Катрин никто не заметил. Ингерн брыкалась, пытаясь вырваться, нож у шеи девица вообще игнорировала. Разбойник на жертву даже не смотрел – был поглощен иным зрелищем...

Блоод наступала на двух заросших бородачей. Мужчины пятились, ланон-ши улыбалась. Ее мягкие движения уже начали зачаровывать лесных оборванцев. Оба были вооружены и, по-видимому, не питали заблуждений насчет своей дальнейшей судьбы. Только лук в руках одного никак не желал натягиваться. Его напарник пытался не выронить из слабеющих рук копье. Блоод простиерла красивую когтистую руку, поманила пальчиком, сладострастно повела плечами. Шнуровка рубашки, конечно, не разошлась до пупочка, но в этом полуприкрытом виде грудь желтокожей красавицы казалась даже соблазнительнее. Мужчины были готовы сдаться – мягкая травяная постель раскинулась прямо под ногами, о чем еще мечтать-то? Отвлекали фыркающие кони и длинный стилет на поясе черноволосой искусительницы. Вид оружия подсознательно все еще несколько отрезвлял очарованных насильников...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.